

ДЖАМПА ЛУМА
МУХА
И ЛЕБЕДЬ

Джампа Лума Муха и Лебедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69003478

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь каждого живого существа переменчива, непостоянна, а все явления, существа и вещи взаимозависимы. Не стоит смотреть свысока на пролетающих над нами. Как хитросплетения судеб могут связать свободное насекомое и подневольного человека, чему они могут научиться друг у друга, и к чему это приведет?

Содержание

Глава 1. Ежели вздумаете помирать	5
Глава 2. Бронислава Росомахина	12
Глава 3. Лебедь пришла	20
Глава 4. Тот Великий День	23
Глава 5. Гроза	30
Глава 6. Коршун и люди	33
Глава 7. Димка-Дымчатый-Дымок	47
Глава 8. Плотоядные мыши	56
Глава 9. Маленький ты мой, бедненький ты мой	64
Глава 10. Электричка оставляла позади	75
Глава 11. «Белые акации»	78
Глава 12. Поезд – друг мой	82
Глава 13. Остальное неважно	90
Глава 14. Заласканные околдованные	95
Глава 15. Зарезали	102
Глава 16. Убийство	105
Глава 17. Нелюди – жестоки, а люди?	109
Глава 18. Много лет спустя	113

Джампа Лума Муха и Лебедь

Посвящается

*Филиппу Федорченко (Филу), поймавшему
и отпустившему светлячка
в поселке Заходское в 1994 году.*

*В этой жизни умершему,
но бессмертному.*

Глава 1. Ежели вздумаете помирать

«Господ-взжжи, тошно-то как, света белого не вз-з-зви-з зввижу! Это жж аж-ж девять месяцев. Жж-ждать его, жждать – с сентября по май. Скажите, что можжет быть гаж-же, чем умереть в начале лета? Взжжи! Нет, друзз-зья мои! Доложу-жу вам: еж-же-ли вздумаете помирать, отложите это поближж-же к дождям. Да, к зз-з-затяжжным дождям, брррр-жжж. Тогда не жж-жалко. А то жжж что жже? Осенью – жждать, зимой – жждать. Весной жжи жить можж-жно, но все равно – жждать. Ждать, дожж-ждаться, но так и не про-жить».

Вы жжи-живите, ладно уж жж! Но что жж-же ж мне делать? Зз-зло невозможное зз-здесь! Жжрачки нет, форточки з-зз-закрыты и жжут как накурено».

Так сокрушалась Муха, бороздя воздушное пространство 6-го отделения милиции, заламывала лапки и в припадке неврастении билась головой о грязные стекла.

– Ишь, жирная какая, мессершмитт, – восхитился капитан Акулов, наблюдая за мушиным полетом.

– Я жжжирная?! Сам жжжирный, – презрительно ответила на это насекомая и с таким натиском ударилась об оконное стекло, что оно звякнуло.

Капитан, ухмыльнувшись, погрозил ей газетой, но ни убивать, ни обижать не стал. Поковырялся в переполненной пе-

пельнице, вытащил оттуда приглянувшийся окурок беломорины и снова закурил, наполнив кабинет едким желтоватым дымом.

– Паразз-зит! И так ж-жже жж-жуть как накурено, – возмутилась Мушенька и ушла в самый дальний угол потолка. Там она замолчала, блестя и зеленея от подступающей тошноты, закатывая глаза и вытирая лапками испарину с ворсистой своей головушки.

Но на ее счастье Акулов взглянул на часы, охнул, хихикнул, раздавил папиросу и, подхватив дипломат, умчался из кабинета, хлопнув дверью и поскрежетав ключом в замке.

Муха же, оставшись одна – вздохнула, чихнула, почесалась, причесалась и снова принялась летать. Вся обратясь в безудержный полет, она то с надеждой жужжала, то отчаянно подзуживала и в поиске выхода билась и билась о стекла.

Бедное безвинное насекомое! Лишенное свободы, усталое до изнеможения, сходящее с ума от паники. И некому было помочь ей, и любой человек мог убить ее без зазрения совести, даже не подумав выпустить на волю.

– Пить невтерпеж-жж, есть невтерпеж-жж! Мне нужжно в сортир или хотя бы в WC. Там всегда и попить вдоволь можжж-но, и поесть вкусно, и стены гладкие зз-засидеть – обворожжжжительно, ззз-замечательно. Но я ззз-здесь, а не там. Как жжж-жаль! Никто не поможж-жет, и никому я не нужжна, – надрывно прожужжала бедняжка, крутым виражом взмыла на книжную полку, села на одиноко стоявший

уже знала, что зима – не смерть, а просто сон, но с бессонницей столкнулась впервые.

Дело было на чердаке с макулатурой. Она проживала незамутненную пору, которая у людей называется отрочеством. Когда ты уже не мушонок, но еще и не особь, способная размножаться. И все вокруг ново и чрезвычайно интересно. И кажется, что впереди бесконечная удачная жизнь, в которой все непременно получится. И все запоминается так легко и почему-то никогда не забывается.

Но ни интеллектуальные отвлечения, ни воспоминания не помогли, силы вновь покинули насекомую, глаза у нее закружились и закатились в разные стороны, по тельцу проходили спазмы и корчи, а крылья заплетались.

– Ненавижж-жж-жжу! – неизвестно кому, отчаянно, надрывно прокричала она и грохнулась на пыльный стол, собираясь издохнуть. Но не успела – ее оживил хлынувший с небес поток воздуха.

Очнувшись, Мушенька увидела не ангелов, а все того же капитала Акулова, уже без дипломата, но еще без беломоринны.

«Какой жже-же мерзз-ззкий!» – брезгливо подумала Муха, томно выздоравливая среди пыли и рассматривая своего спасителя.

Но нам ли считать такие оценки людей объективными? Разве станем мы, существа человеческие, а потому – высшие, доверяться органам чувств насекомого и снисходить до

мушиных чувств?

Капитан в ее зрении множился на тысячи изображений. Крохотные капитанчики синхронно шевелились в мозаике глазной сетчатки. Оттуда они проецировались в насекомый мозг, он-то и выдавал крайне неприятную картину.

Виделась Мухе мучнисто-белая, перебродившая опара человеческой туши, с пористым ландшафтом кожи и непроходимой ржавой проволокой волосни. Пахло от туши, на мушин нюх, неоднозначно: приятные ароматы прелого тела и перекишшего пота смешивались с тошной вонью никотина и алкоголя.

Акулов тем временем, не замечая ее пристального взгляда, распахнув окно и придавив пузом подоконник, пыхтел и шарил рукой под карнизом. Наконец, он нашел там какой-то сверток, довольно матюгнулся и сплюнул на куст шиповника. В этот момент в кабинет залетели еще три мухи. Наша Мушенька окончательно ожила и рванулась было на волю, но опоздала, ударившись головой о стекло закрываемого окна.

Прибывшие цокотухи принялись радостно летать вокруг люстры. А как известно, любая люстра – это великая мушиная богиня Жужжа. Можете убедиться в этом, наблюдая, как они истово поклоняются ей, кружа в ритуальном танце, присаживаясь, оставляя метки и меряясь силами.

Богиня в кабинете капитана Акулова была прекрасна: мохнатая от пыли, из пластикового хрусталя, с подвесками и граненым шаром. Этот шар был центром верховного при-

тяжения, могучести и наживы. Вокруг него, как спутники на орбитах, летали мухи, и наша Муха присоединилась к ним, причитая:

– О горе мне, безбож-жнице, как же я раньше божу Жуж-жу не зза заметила? Ужжасное наважждение. Расплата зза за грехи. Нужжно все ззамять и зза замолить.

Сделав с десятков неспешных кругов на дальней орбите, она собрала все силы и волю в шерстистые кулачки и пошла на таран. В безумной отваге, подобно камикадзе, кидалась она на соперниц. Раздавались удары лбов, звон крыльев и скрежет лап. Наконец, битва закончилась, наша Муха победила и осталась под божественной люстрой одна, а поверженные соперницы капитулировали уныло ползать по стенам и зализывать раны.

– Хорошая муха, злая, сильная. Вся в меня, – похвалил Мушеньку капитан, наблюдавший за побоищем.

– Хам, вззжжи, я красивая и хорошая! А ты образизззи-ии-зи-зи-на, – от обиды та так возмутилась, что голос ее сорвался и перешел в неприличный комариный писк.

Но тут люстровый бог оценил старания победительницы и послал ей награду в виде восхитительно вонючего беляша, который внес в кабинет торжественно икающий сержант Помятый.

«Вот это я понимаю! Вззжжи! Ай-да зза запах, это жжжж как на помойке – райские кущи. Спасибо тебе, божженька!» – восхитилась насекомая, орудуя в ястве хоботком.

Акулов тем временем открыл звякнувший дипломат, достал оттуда мерзавчик «Столичной», отпил половину, жаркодохнул на Муху волосатыми ноздрями и отобрал у нее беляш.

«Света белого не взззвижжжу, – шарахнулась Мушенька, едва не погибшая под капитанскими зубами, – нет, надо убираться отсюда».

Глава 2. Бронислава Росомахина

Едва капитан успел поесть и попить, как за дверью раздалась какая-то возня, гулкий бас, приглушенный взвизг, и помятый сержант запустил в кабинет посетительницу. И была бы эта девица все-при-всем, кабы не ее густо окрашенное лицо и глаза. Злобные, трусливые, колючие, бегающие – опасные глаза.

Капитан хмыкнул и предпринял попытку облапоть гостью, но, попав в ядовитое облако ее духов, расчихался, передумал, уселся за стол и, как водится, закурил.

– Здравствуйте, я к вам вот по какому делу, – деловито начала девица.

– Сдрась. Сядьте на стул в уголке и обождите. Разве не видите, что я занят? Вот закончу, тогда все по порядку и доложите, – заявил капитан, с умным видом чиркая в тетради изображение не то корабля, не то утюга с большой звездой на боку.

– Как жжж же она обрыз-ззгана вонюче, – недовольно морщилась Муха, пролетая над посетительницей, но вдруг замерла и восхитилась, – но это жжже-жже обворожжж-жжительно!

Дело в том, что сквозь духи она учуяла только ей заметный трупный дух:

– Зз-знакомый зз-запах, но не ее жжж-же, не ее. Похож-

жж-жий на ту, что ужжж-жже не пахнет молочным печеньем. Дюжже похожжже.

Насекомой вспомнилось безжизненное лицо девчонки, валявшейся в овраге, угасающий взгляд, крошки печенья на посиневших губах и сгустки крови вокруг страшной раны на голове. А самое главное – отложенные туда ровно сто четыре яйца.

«Деточки мои родненькие, опарыши ненаглядные, мушата мои, – умилилась она. – Как вы там, жж-живы ли, зз-здоровы? Эх, не увижж-жу я вас», – Муха закручинилась, но, опомнившись, что видеться им ни к чему, успокоилась.

– Ну чо там у вас? – выждав положенные двадцать минут, спросил Акулов.

– Сестреночка моя, Настеночка моя, Трясогузочкина, я для нее завсегда была примером. Потому как у нас вся родня мной гордиться, – затараторила девица. – Я тутушки училище кончила, малярное, а тетечка Марусечка меня в квартиру жить пустила. Печеньки она молочные любила шибко, я ей всегда завались их покупала. А то што она померла, так не верьте соседкам, они стервы, старые и злые, зависть им глаза застит, а языки поганые. Не верите?

– Э, хм, – ответил на это капитан, – гражданочка...

– Вранье! Где ж это видано, все мрут, не вечные, а тетечка старая была совсем, шестьдесят шесть годков, как-никак, и верхнее давление. Что она той печенькой во сне подавилась, так все с того давления верхнего и вышло, она его лежа же-

вала по его причине. А Настя девушка порядочная, неопытная и скромная, печенье молочное тоже любит, а в остальном вся в меня. Только боязливая, оно и понятно, она-то Трясогузкина. Ха-ха! Хи-хи-хи. Но я-то – Росомахина! Не могла она вот так исчезнуть, ни слова не говоря...

– Молчать! – не в силах больше переносить эту трескотню, взвыл Акулов и угрожающе заскрежетал острыми зубами. – Хорошо бы было, чтобы ты сама исчезла, ни слова не говоря.

– Вам легко говорить «ни слова ни говоря», а она про... про..па-ла-а-а-ааа, – разревелась гражданка, размазывая окраску по лицу.

– Да чтоб вы все пропали! Кто пропал-то?

– Сестреночка моя!

– Настеночка Трясогузочкина? Которая была примером? – припомнилось капитану начало беседы.

– Вовсе нет, это я завсегда примером была! Я – Бронислава Росомахина! А она – обыкновенная деревенская дура, Анастасия Трясогузкина, – возмутилась посетительница.

– Ну и имена у вас, – удивился Акулов, – и что же с вашей родной и любимой сестрой случилось? Кстати, почему у вас фамилии разные?

– Потому что ничего она мне и не родная, слава богу, а двоюродная.

– Так. Значит, эта пропавшая идиотка вам двоюродной приходится?

– Да как вы смеете! Раз она девушка неопытная и скром-

ная, так ее оскорблять можно?

– Вы сами ее душой назвали.

– Дура и идиотка – это совершенно разные вещи.

– Короче! Ближе к делу, – свирепо прокричал он и распечатал, шарахнув кулаком по столу, – рассказывайте все по порядку.

– Я так и рассказываю, а вы меня сбиваете, – ничуть не испугавшись, продолжала Росомахина. – Тетечка меня шибко любила и квартиру потому завещала, а потом взяла да и померла. Так что я теперь настоящая москвичка. А Настька вещички собрала и ко мне, телеграммой пришла. А ей телеграммой велела не в квартиру ходить, а к памятнику первому паровозу, чтобы торжественно и на вокзале. Поезд пришел на той неделе, и я пришла, а она не пришла. Я решила, что они огород решили сначала окучить, а потом ее. Лишние руки нужны, а потом уже в город ее пустить, чтобы пушай поступать поступает. А вчера дядя звонит, папаша ейный, и ничего не понял. Я тоже ничего не поняла, куды она девалась. А как понять? И тетка не поняла. Да что тетка, вся деревня – никто не понял. Вы зря говорите, что раз мы деревенские, то завсегда, того этого, вас глупее. Приезжайте, ознакомьтесь – диву дадитесь. Вот, к примеру, председатель наш, Василь Василеч, мы его Вась Вась называем, за глаза конечно, знает больше, чем иной Менделеев, про водку все толково рассказывает. А грузчик, дядя Гоша, воще этот, как его? Ынштен!

– Эйнштейн, – машинально поправил капитан.

– Во-во, он самый, вы тоже его знаете. А Настька должна быть в Москве, а я не видала. Ежели разминулись, то адрес знает. Я не знаю. И тетка не знает, плачет и звонит, вопит как по покойнику, велела к вам идти и заявить, что не знает, а она приедет с дядькой.

Не зря Акулов дослужился до капитана, надо отдать ему должное, он сумел понять всю абракадабру, которую несла Бронислава Росомахина. Горделиво откинувшись в кресле, он рыгнул, поскреб затылок, поковырял в носу, почесал в паху, возвел глаза к люстровому богу и сказал:

– Гм. Хм. Ну что же, вот бланк заявления. Заполните все по пунктам. Произошедшее вкратце, а внешность сестры подробно. А я уж потом с вас показания возьму.

– Спасибо, я знала, что вы мне поможете и с меня возьмете, – преданно взвизгнула Росомахина, прижав руки к левой груди.

– Да на здоровье. Только вы зря тревожите милицию. Вот у меня, например, сейчас в разработке чего только нет: и алкоголь, и наркотики, и убойные, и групповые, – важно растягивая слова, посетовал он. – Ну, мало ли, эта двоюродная сестра ваша – девка молодая. Повстречала парня или мужчину, загуляла, забыла о родственниках, времени, пространстве, обо всем. Чего только по грешному да молодому делу не бывает. Скоро еще и котов, сбежавших на кошачью свадьбу, заставят искать. Что за народ, никакого понимания!

Муху чрезвычайно заинтересовал разговор Росомахиной с Акуловым. Еще бы, ведь мир в очередной раз доказал свою потрясающую тесноту.

Хорошенько надышавшись Бронеславным духом и разложив по полочкам все его составляющие, насекомая убедилась, что трупные нотки не «дюжже похожжи» на запах колыбельной ее деток, а они самые и есть.

Так умная насекомая враз распутала дело об исчезновении Анастасии Трясогузкиной. Ей было очевидно, что живое росомахинское тело, залитое парфюмом, молодое, но многогрешное, помечено ароматом тела другого – юного, деревенского и пухлого словно пирожок, но мертвого, с кровью на голове и крошками печенья на губах. И так уж получилось, что с родными Мухиными опарышами в смертельной ране.

«Ух ты жж-жжж! – удивилась Мушенька. – Это жже она ее убила! Ззз захотела одна в теткиной квартире жжж жжить. В лесок ззз завела и каменной по темечку приложжила. Головокружительный оборот».

Она не смогла удержаться и, кружась вокруг Росомахиной, старательно заполняющей бланк заявления, жужжала ей в уши:

– Дура ты, дюжже дура, ззачем сюда пришла? Тебя жжже в кутузз-зку повяжж-жж-ут. Подожжж-жди... Ой, ты жжж! Это жжжж, да – никто зздесь взжжи в жжж жжизнь не догадается. Ззз-значит, не дура, пришла и с себя подозз-зрение отвела. Не бойсь, деваха, я тебя зза-заложжу. Жжжи жжиз-

зненный принцип: сама жжживу и другим жжжить даю. А все жж-же, так как ты – негож-жже! Негожжже! Ведь ежжели кажждый свою жже особь изззничтож-жжать начнет, то поражж-жаюсь, что будет! Ззз-земля тогда нехожжженной станет.

– Ах ты, дрянь летучая! Разносчица заразы, ишь пакость! Чего пристала, липнешь как на мёд? – злобно ответила ей Бронислава.

– Ха, «на мёд», льстите вы себе, гражданочка, – усмехнулся Акулов.

– Нужж-на ты мне, сама вся такая – зз-зараз-зза и разз-носчица! Ну, я тебе покажж-жу, – разозлилась Мушенька и стала еще громче и быстрее летать вокруг хамской девицы, сужая круги.

Тогда Росомахина попыталась убить Муху, видимо убийство было ее привычкой.

– Отвязжжись, – завизжала насекомая, увернувшись от красных лаковых ногтей.

– Отстаньте от животного, – вступился капитан.

– Сам ты взжжи жживотное, – плюнула та в его сторону и улетела на шкаф, решив там прогуляться и отдохнуть.

– Гражданка, вы сюда мух пришли ловить? Сядьте и пишите быстрее. У вас дел никаких нет и быть не может, а мое время – драгоценное, год за два в льготном исчислении, – отчитал капитан девицу.

– Я не гражданка.

– А кто же вы?

– Я девушка.

– Про то, что вы девушка, ухажерам своим рассказывайте, а мне оно без разницы. Число и подпись ставьте. Так, а теперь идите к дежурному, пусть зарегистрирует. Отделение вам покидать запрещается, а через два часа, после обеда, возвращайтесь, – Акулов выпроводил посетительницу за дверь и, напоследок ущипнув ее правую ягодицу, добавил: – на сытую голову мы с тобой и займемся. Хм, хе-хе, показаньями.

«Тьфу, пакость какая, а не отделение милиции. Надо выбираться отсюда, не хочу я на всякие показз-зания смотреть, – подумала Муха и загрустила, – а вообще жжжалко мне их, безз-звольные людишки, несвободные, летать не умеют, ползз-зают тут, копошатся. Жжж жуть как безз-зисходно».

Глава 3. Лебедь пришла

Но тут дверь снова открылась и впустила другую посетительницу. Ах, какая это была девушка! Нежная и легкая, словно пылинка в солнечных лучах. Такая молоденькая и чистая – неземное существо, девочка-фея. И смотрела она тепло и доверчиво, как смотрят только люди из той редкой породы, что и муху не обидят.

Мушенька залюбовалась на вошедшую во все свои диковинные глаза, позабыв обо всем вокруг, но ее отвлек судорожно охнувший капитан Акулов.

Тут-то начались настоящие чудеса. Она с досадой зыркнула на капитана и обомлела. Акулов вдруг привиделся ей таким бедненьким и беспомощным, таким несчастным и нахохленным, вроде голубя больного. И вовсе не был он отвратительным, скорее наоборот – милым, но волею злой судьбы потерявшимся, незаслуженно отверженным, измученным и вызывающим сострадание.

– Наважж-ждение, – поразилась Муха такой метаморфозе, крутанула головой на 180 градусов и обратно, тщательно протерла глаза, но, переведя их на девушку, еще больше оторопела и, увеличив градус поворота до 360, воскликнула: – Вззжжи-вззжжи! Как жже? Как жже так? Я узнаю, но не зз знаю. А! Это жжж дежжавю?

Тем временем посетительница, приветливо оглядывая об-

становку и явно не замечая ее убогости, дошла до середины кабинета и обратилась к капитану:

– Здравствуйте, Иван Алексеевич, надеюсь, я вам не помешала? Как ваши дела?

– Не мешаешь ты ничего. Да ничего так. А че ты? Откуда меня знаешь? Чего так меня? Нормально дела. Что те от мене надобно? Вы что это? – опешил Акулов, которого очень редко величали по имени-отчеству, а ласково к нему и вовсе никто отродясь не обращался.

Но еще больше капитана озадачило и даже напугало ощущение никогда не испытываемой ранее неги, зародившейся где-то в центре груди, обволокшей тело и хлынувшей в голову.

Он хотел матюгнуться, как всегда делал, встречаясь с чем-либо непонятым, да, к стыду признаться, и в других случаях тоже. Но забыл все привычные неприличные слова. Вместо них откуда-то из подсознания облачком выпорхнуло экзотическое слово «аура».

– Ох, простите, я это имя на дверной табличке прочитала. Что-то не так? – хрустально спросила девушка.

– Да вроде так, – неуверенно ответил он, пытаясь раскуриль незажженную папиросу.

– А меня Анной зовут. Белолебедева Анна Павловна, – представилась пришедшая и, пригорюнившись, продолжила: – Извините, что отвлекаю вас от дел, но у меня такие неприятности. Ах... Прошу, простите за беспокойство.

– Вззю-вззю-зю-зю-жжю! – воскликнула Муха, хлопнув себя лапками по лбу. – Да это жжже она – моя спасительница! Аня! Анечка! Анюта! Добрая моя, нежжжная. Как жжже я тебя сразз-зу не узз-знала? Долго жж-жить будешь!

И, воркующе жужжа, слетала со шкафа на плечо Анны.

– Какая лапонька! Солнышко такое! – по-детски умиленно восхитилась та, даже не думая ее сгонять. А Мушенька уткнулась лобасто-глазастой головой в ворсинки Аниной кофточки и замерла от удовольствия.

Именно так и именно в тот судьбоносный день, в кабинете капитана Акулова, произошла встреча Мухи и Белого Лебедя – Белолебедевой Анны Павловны.

Анна не признала ее, приняв за обычную муху, каких с ранней весны и до поздней осени встречала ежедневно, к каждой встречной относясь с симпатией и уважением. Но Муха словно заново пережила Тот Великий День и вспомнила все, несмотря на насекомую память.

Глава 4. Тот Великий День

Тогда Мушенька была еще совсем молодой, вследствие чего неразумной и взбалмошной. Одним жарким летним днем она летела между нескончаемых вширь и бесконечных ввысь домов, проклиная человечество за хамскую манеру строить жилища, загораживающие собой весь мир. Ей начало казаться, что она попала на чуждую, безжизненную планету. И так хотелось улететь обратно – на родную, всей душой любимую и зеленую Землю.

Потеряв надежду обогнуть дом по горизонтали, насекомая взвилась в крутую вертикальную спираль, но на высоте 20-го этажа так выбилась из сил, что легкий ветерок подхватил ее и поволок неведомо куда.

«Угораздило жже ссвзи взи взи-взи ввязаться», – думала Муха, ее укачало, она разомлела и, плохо соображая, нелепо раскинув непослушные крылья, хмельным голосом напевала:

– Ах, как кружится голова, как голова кружж-жжётся.

Вдруг она осознала, что не понимает, где верх, а где низ, протрезвела от испуга и, отчаянно извиваясь, попыталась за что-нибудь уцепиться. Но все ускользало из-под лап: стены, карнизы, балконы и подоконники – мелькали, рябили в глазах и уносились прочь в тартарары.

Испуг перерос в ужас. Тогда-то она и попала в дивный

Анин мир, сначала приняв его за мираж.

Затуманенным зрением бедняжка видела приближающееся чистое окно, гостеприимно распахнутое и украшенное голубыми занавесками. Некие неведомые силы звали ее и увлекли туда, мягко и торжественно опустив на белоснежную скатерть.

Потрясенная Муха огляделась на местности и нашла ее не только пригодной для жизни, но и исключительно приятной. Слева лежали холмы желто-румяной черешни и сочной клубники. Спереди возвышалась стеклянная громада кувшина с чистой водой. Справа, на плетеной подставке, словно в шезлонге, развалилась связка бананов. А сзади было нечто исключительно восхитительное – блюдцевый бассейн, наполненный янтарно-прозрачным мёдом. Мушенька издала радостный взж-взвизг, кинулась в него и... безнадежно увязла.

Потеряв всякую надежду выбраться, несчастная горькими слезами орошала сладкий мёд и прощалась с жизнью.

– О господи! Бедненькая, как же ты так? – испуганно и сострадательно воскликнул над ней голос человеческой женщины. Нежные пальчики выловили ее, бережно подхватив в ладошку, сполоснули в кувшине с водой и, уложив на салфеточку, перенесли на диван.

– Маленькая моя, все будет хорошо, – заверила спасительница, усаживаясь рядом, – бедняжка, ты хотела кушать, а попала в такой ад. Едва не погибла. Жуть! Это я виновата, нель-

зя было оставлять мёд открытым. Ну ничего, мы с тобой пойдём в сад, там солнышко тебя обсушит, согреет, и ты снова сможешь летать. Ты такая славная муха, у тебя все будет замечательно. Непременно будет замечательно.

– О, святая покровительница мух! Славься! Вззи-вззи-вви. Вз-жж-живи долго и счастливо, – кланялась ей Мущенька, молитвенно натирая лапками свою чернявую пучеглазую голову и косясь на прилаженную к стене театральную афишу, на которой святая была изображена в виде балерины, а надпись гласила:

Лебединое озеро

Балет в 2-х действиях

П.И. Чайковский

В главной партии

Анна Белолебедева

«Жзз-жжз, так она жжже балерина, а ззз-зовут ее Анной.

Ишь как крылья вытянула и лапки подогнула, сразз-зу видно, что заслужжженная артистка», – еще больше восхитилась Муха.

На сем насекомая была пересажена в коробочку, высланную шелком, и, как и было обещано, вынесена в сад.

Правда, трудно было назвать садом этот чудом уцелевший скромный оазис, зажатый между строительным забором и свалкой арматуры. Но там зеленела густая трава с одуванчиками и ромашками, и шатром раскинулась корявая дикая яблоня с совсем еще юными завязями. Со стороны стройки

высовывалась ржавая труба, из которой непрерывной струйкой текла вода, образуя ручеек, бегущий через оазис и впадавший в люк на стороне свалки.

Анна Белолебедева по-балетному изящно уселась на стоявший под яблоней шаткий, занозистый ящик, положила коробочку с Мухой на колени, а в руки взяла книгу.

– Не переживай, моя дорогая мушечка. Все будет хорошо. За любыми тучами всегда есть пронзительно голубое, залитое бесконечным светом небо, – поведала она насекомой и угостила сладкой клубникой.

Ах, как хорошо было Мушеньке! Каждое мгновение одаривало ее покоем и силами. Она нежилась на шелке, окутанная летним зноем и свежестью ручейка, вдыхала запахи трав и клубники, погружала хоботок в ягодную мякоть и жмурилась от удовольствия. Так уютно, свободно и радостно. Эх, жить бы так всегда!

А девушка оторвала взгляд от книги, очень серьезно посмотрела на свою подопечную и сказала ей, впервые назвав по имени:

– Знаешь, Муха, все творчество Сент-Экзюпери проникнуто неприязнью к тупой, стадной, рутинной жизни, которая предстает как страшная опасность для живого человека.

– Нзе-нзе, жза-жзи, – с умным видом по-французски ответила та, что в переводе означало «мне ли не знать».

Анна улыбнулась ей доверчиво, но грустно, и, следуя течению своих мыслей, призналась:

– Знаешь, мне так худо бывает... Воистину, «тупая, стадная, рутинная жизнь – страшная опасность для живого человека» – от нее тело хворает, а душа гибнет. У меня все сложнее, чем у Экзюпери. Подумаешь, «проникнуто неприязнью» – эка невидаль. А как быть, когда помимо неприязни еще и безысходность с отчаянием? Выхода нет. И живу я словно во сне, когда танцую – просыпаюсь. Но и тут беда: проклятие из детства – «ты будешь танцевать по приказу». Танец – это душа, а душа не может подчиниться приказу. Изломали меня, – сокрушенно призналась она, ухмыльнулась и продолжила: – А впрочем, я зря жалуюсь – сейчас все совсем неплохо. Но через что пришлось пройти! Они приехали сюда в поисках лучшей жизни, наивно полагая, что мечтают о работе в большом городе. Неискушенные глупышки, они искали иллюзорное прибежище в занятости. Не в деньгах дело – это же жалкие гроши.

– Жжалкие жже, – уверенно согласилась Муха, понятия не имевшая, о чем идет речь.

– Работали, света белого не видя, стали биологическими механизмами, роботами, станками. Что осталось в них от людей? Рабский труд уродует, опустошает душу, но они не замечали этого.

– Вззжи?

– Ей теперь, из Парижа, меня не достать, да и без надобности. Но вот ведь проклятье! Не она, так родственники. Смешно сказать, содержу тетку с племянницами. Пристрои-

ла девочек на легкую работу, поближе к «высшим сферам», так они там опошлись. Атмосфера жиголо и прожигателей жизни захватила их обеих и раздавила. За полгода эти свежие детские личики превратились в безжизненные лица потасканных женщин. С таким трудом услала обратно, но больно дорого мне это обходится. Изводят, все мало им, и мало, и мало. Шантаж. А еще кредит за квартиру. Эх, а ведь жить-то не на что...

– Жжжжж, ужжжззз-жжж! – возмутилась насекомая.

– И не хотят работать там, у себя, «забесплатно», видите ли. Эх, умерить бы их аппетиты. А мама теперь во Франции, гражданка-парижанка и стюардесса Air France. Это все корысть и тот же шантаж. «Я сделала из тебя человека, а ты за это обязана заботиться о моей сестре-инвалиде». Забавно, да? Мы с мамой – Белолебедевы, а они – Белокопытовы. Бред, да и только, как и все остальное. Я могла бы танцевать и в Петрозаводске или в нашем Доме культуры преподавать. Мне завидуют, а чему? Я жалка и бессильна.

– Взжж...

– А знаешь, Муха, как я жила... Ах, как я жила до балета! Это был волшебный мир! Мир ослепительно сверкающей росы. Зелень, напоенная солнцем. А птицы там звенят и переливаются песнями. Травы и цветы вдоль песчаных тропинок. Доверчиво обнаженные корни вековых сосен. И я там. Ступаю легко, ничего не тревожа. И все это в объятьях бесконечной сини небес, а наверху неспешно движутся облач-

ные миры. А какое звездное там небо! Стоят ли города того, чтобы потерять звезды? Городские огни затмевают свет. Вы здесь не видали такого неба. Оно бывает только в Карелии. И полнолуние, и млечный путь, и Венера, и Марс. Как это нелепо – лишиться северного сияния! И каждая звезда так близка тебе и так родна. Вот как я жила, Муха. И во что я превратилась теперь? Игра на сцене, бредовый сон в жизни. Тошно все...

– Жвззжж?

– Да, ты права, я просто устала. Отдохну с тобой, и хандра пройдет. Как мне порой не хватает Его. О, господи – «Он-Он-Он». Будь Он проклят, прости, господи! Но в одном Он был прав: «единственно верный жизненный путь – в бесконечный мир собственного сознания». Понимал ли Он, о чем говорит? Сомневаюсь. А я понимаю: голубой простор, синее небо, солнце, луна и звезды – они там всегда есть... А когда небеса дурнеют, опухают... Закрывают мутные глаза и наваливаются на землю... Всей тяжестью своей хворой туши, то я... Я всегда помню Истину. Там, за свинцовыми тучами, моя прекрасная Вселенная – это очевидно. Я вижу ее даже скрытую мраком. «Все будет хорошо» – не пустые слова. Поверь мне, Муха, все будет хорошо!

Глава 5. Гроза

Время шло незаметно и прошло – истекло. Муха полностью просохла и окрепла. Ей было интересно слушать девушку, блаженно сидеть в шелках и кушать клубнику – сладкую и бесконечную, как Анины миры.

Но насекомые так же суетливы, как и люди. Неизвестно откуда и с чего у нее возникло желание лететь. Немедленно мчаться куда-то по каким-то мушиным делам, совершенно никому, даже ей самой, непонятым, но исключительно важным. Это зудящее желание зрело, захватывало и распирало ее.

И она сорвалась и улетела, устремившись в свою иллюзию будущего. А балерина Анна Белолебедева осталась в своем обмане прошлого.

Муха все летела и летела, искала и искала чего-то. Но все найденное было не тем, а нужное не находилось, да и найти-то не могло. Но насекомая этого, так же как и люди, не понимала и продолжала бессмысленные поиски того, чего нет на свете.

В начале полета ей было весело, легко, беззаботно. Казалось, что там, впереди, нечто непременно замечательное. Но понемногу радость проходила, подобно исчезающему привкусу ароматной клубники на хоботке. Муху охватили тоска и раздражение, ей так захотелось вернуться!

Вернуться назад, чтобы снова нежиться в уютной корбочке, млеть от дорогого голоса и больше никогда никуда не спешить. Она искала дорогу обратно, но не нашла, ведь пути обратно не бывает. Невозможно вновь войти в то, что было уже. В настоящем нет места прошедшему, и будущего в нем не бывает.

«Что жжже меня ззанесло? Что ззз за наважждение? Зачем жже я? Что зз-за блажж? Жжж-живого жж-жуткая жж-жизнь. Сказ-ззал Экз-зю-зю-пери, что не негож-жже и все сложжжнее. А я туда жжже», – угрюмо ругала себя Мушенька.

Мрачная, озлобленная, не разбирая дороги, она летела с силой броневой снаряд. Это-то ее и спасло. Насквозь пробив плотную, липкую и невероятно крепкую паутину, она ничуть не пострадала. А паук-крестовик, размером с небольшое птичье яйцо, скорчившись от страха, остался трястись на жалких обрывках своих владений, зажав все четыре пары глаз всеми четверыми парами лап.

– О, божже, божже, божже! Надо жжже! Ужжжас! Вззы-вззы-вззи! Как жже мне повеззло, – восхитилась насекомая, осознав, что с ней произошло. И осторожно полетела дальше, вздрагивая и поззужживая от пережитого.

Начался лес с запахами хвои и болотной воды. Над покрытым ряской озерцом порхали бабочки и кружили стрекозы, Муха присоединилась к ним, прислушиваясь к вскрикам уток в береговых зарослях и ворчанью далекой грозы.

– Какой забавный звук у далекого грома, как будто соседи сверху мебель двигают, – прошептала в этот момент Анна, услышав ту же самую грозу и заспешив домой.

Глава 6. Коршун и люди

Муха вспомнила все. Каждую черточку святой мушиной покровительницы Анны... Павловны. Белолебедевой. Балерины... И голос ее, и шелк ее волос, такой уютный, и запах – такой легкий, неуловимый. Как бриз. Как аромат воздуха после дождя.

И так хорошо ей было сидеть на теплом Анином плече, уткнувшись головой в мягкие ворсинки кофточки и, замерев, ощущать бесконечность каждого мига. Бывает такая отрада: дышать – не надыхаться, глядеть – не наглядеться.

И захотелось ей впредь никогда не расставаться с этой девушкой, всегда быть рядом, наплевав на все мушиные дела. Конечно, сидеть на ней, не слезая, не получится, но ведь можно летать неподалеку, так, чтобы до плеча всегда было крылом подать.

На том Муха и порешила. Но, как известно, предполагать – одно, а располагать – совсем другое.

Дверь распахнулась, едва не слетев с петель, и в кабинет свалился деловито икающий сержант Помятый. Он нес в руках башню из папок, придерживая ее подбородком, и выглядел уже не таким помятым, как с утра.

Оставив дверь открытой, сержант злобно зыркнул на Анну, протопал в дальний угол и там обрушил свои папки на диван.

По дороге обратно он, якобы случайно, задел девушку и, не извиняясь, направился дальше. Та пошатнулась, посмотрела ему вслед с недоумением и испугом, но промолчала.

Муха же, не отличавшаяся сдержанностью, разозлилась и полетела за обидчиком, громко выжужживая мушиные ругательства.

Помятый оказался не простым хамом, а мстительным, по-звериному оскалившись, он выгнал насекомую из кабинета, погонял по ее коридорам, потом загнал в WC и зачем-то запер там.

Совсем недавно Мушенька чувствовала бы себя счастливой в таком ватерклозете, а еще точнее – в сортире. Он, с ее точки зрения, был великолепен: загаженный, с лужами на полу и с кафельными стенами, обсиженными ее многочисленными предшественницами.

Да, как и любая другая муха, она мечтала попасть в такое место. Но то было раньше. Теперь же ей стало неинтересно ни есть, ни пить, ни оставлять метки, а хотелось только одного – вернуться к Лебедю, как она для краткости прозвала Белолебедеву Анну Павловну. Муха пыталась найти выход, но безрезультатно.

– Жж-уууу-жж-уууу, – завывала она с тоски, – помож-жи бож-же...

А сержант Помятый, видимо, собирал в сортире некую странную коллекцию из живых существ, не только из мух, но

и из людей. Потому как вскоре он притащил туда Брониславу Росомахину и зачем-то принялся обжимать ее.

– Ха-ха-ха, хи-хи-хи, – словно от щекотки заходилась Бронислава.

– А ты хорошенькая! Ик. А главное – веселая! Ик, – радостно икал сержант, – не то, что плакса-балерина. Ик. Она конечно красавица, ик, но сразу видать, что недотрога.

– Кто она? Какая такая красавица? – обиженно взвизгнула Росомахина, пистолетным дулом приставив палец к сержантскому сердцу.

– Ты красавица, – заверил он, опасливо косясь на длинный красный ноготь, и перестал икать. – А она дура. Здрóрово ей Акулов сказал, что вся дурь бабья от безмужичья. Сама подумай. Это мужик может свою волю в кулак взять. Хе-хе, до мозолей. А баба как корова недоенная мается. Приласкала бы того Коршунова и сама бы млела от удовольствия. Ни себе ни людям. Он все правильно, вот так прямо ей и сказал. Слово в слово. Ты подумай, да? Молодец, да?

– Хи-хи-хи, – согласилась Росомахина, – нужно уметь расслабляться и получать удовольствие. Ха-ха-ха!

– Это ты верно подметила. Хе-хе! А она ему: «Да как вы смеете!» и принялась рыдать. Вот ведь дура! А он, то ли от неожиданности, то ли от помрачения, возьми да и извинись. Ха-ха, стоит такой, наш Акулыч, с выпученными глазами – сам себя напугал! Ведь отродясь он ни перед кем не извинялся, разве что перед начальством, и то редко. Так что те-

перь ей точно хана. Ха-ха!

– А сюда точно никто не придет?

– Не бойсь, красатуля! Сюда никто не придет, все в новый туалет ходят, там чисто.

– А ты коньяк не забыл? И конфеты.

– Черт... Черти б меня драли! Я же бутылку у него в кабинете оставил. Ты жди, я мигом сгоняю, заберу и вернусь.

Он распахнул дверь туалета и помчался в кабинет Акулова, а Муха выпорхнула за ним следом и, не веря своей удаче, вернулась к Лебедю.

Но за непродолжительное мухино отсутствие в кабинете все переменялось, худо там стало, тревожно и уныло. Анна больше не улыбалась. Наоборот, горько плакала.

– Он меня убьет, если я не соглашусь принадлежать ему. Ох, простите! Я понимаю, насколько пошло это звучит. Я в отчаянии! Это отчаяние лишает меня разума и стыда, – причитала Белолебедева, то умоляюще складывая руки, то простирая их к капитану, то заламывая.

– Ну, а если и убьет? То есть с чего убьет-то? – морщился Акулов и нырял в бело-сизый морный дым, заволакивающий свет.

– Он постоянно преследует меня и угрожает, я боюсь выходить на улицу, не отвечаю на незнакомые звонки. Не знаю как, но узнал мой адрес и телефон. А впрочем, чему удивляться? Сумасшедшие способны на все. Я живу одна, приезжая, у меня квартира-студия на окраине. Совершенно безза-

щитна и беспомощна. Говорят, что это присуще людям творчества. Знаете, меня пригласили в Москву из Петрозаводского театра оперы и балета. Даже родственников и друзей здесь нет, никого. Год выступаю на Малой сцене Большого, и хореографы сулят мне большое будущее.

– Так-так, малая сцена большого будущего. Все понятно, – протянул капитан, и с усмешкой спросил: – А звать-то его как?

– Кого?

– Ну не меня же!

– Я уже говорила... Вы вроде записывали... Его зовут Андрей Коршунов. Ах, послушайте, он помешан на мне. Подрабатывал из Большого у нас в Малом помощником осветителя. Его уволили за пьянство, за прогулы, а точнее, за драку. Он же драку устроил среди репетиции! – воскликнула Анна, сделав несколько шагов к капитанскому столу.

– А причем здесь драки осветителя, которого уволили? – подскочил Акулов. – Дамочка, вы что? Вы на меня весь ваш кордебалет взвалить собираетесь?

– Ах, нет же, не осветителя уволили за драку, а его помощника – этого самого Коршунова. Простите, я от страха путано рассказываю. Это он, то есть Коршунов, чуть не придушил рабочего. И представляете за что?

– Понятия не имею и знать не хочу, – буркнул капитан, тоскливо поглядев на дипломат с недопитым мерзавчиком «Столичной», и с досадой почесал горло.

– Нет, вы послушайте и все поймете. Ему, Коршунову, показалось, что рабочий на него «не так» посмотрел, видите ли. Так он его душить бросился.

– Задушил?

– Нет, передумал.

– Вот видите, оказывается, ничего и не было. А вы на человека наговариваете. Зачем так плохо себя ведете? – Акулов рассмеялся, как взрослый над несмышленным ребенком, и погрозил пальцем.

– С вами невозможно разговаривать. Вот, возьмите, пожалуйста, – Анна протянула ему лист бумаги, – я сообщила в отдел кадров, что направляюсь к вам, мне предоставили данные Коршунова, адреса есть и телефоны. Приобщите к заявлению, и я пойду.

– Пойдет она! Ты лучше ответь, кто же в отделе кадров такую информацию раздавать станет? Нет уж, признайся, что полюбовники вы с ним, с этим Андрюшкой Коршуновым. Он, небось, к другой ушел, а ты сюда пришла, в отместку, – капитан так разошелся, что пребольно ударился кулаком об стол.

– Да как вы смеете? – всплеснула руками девушка. – Вы почитайте его характеристику с места работы. Там такое – любой человек в ужасе будет. Любой адекватный человек. Все от него настрадались, пытались раньше уволить, но он угрожал, что в суд подаст. Драке той даже обрадовались – наконец-то избавились. Когда я им рассказала свою ситуа-

цию и что к вам пойду, они мне все на него и дали.

– Не имели права ничего давать без нашего запроса!

– Но... Ведь вы не собираетесь никакие запросы посылать.

– Конечно! Будто мне заняться нечем! У нас и так бумажек всяких столько, что хранить уже негде, – капитан указал на свой стол.

На этот раз Белолебедева, лишенная свойственного ей радушия и душевного равновесия, взглянула на рабочее место Акулова другими глазами. И увидела на столе свалку из папок, бумажных обрывков и листков, там же были банки с плесенью и стакан с долькой лимона, разлагающегося в мутной жиже. Чайных пакетик, привязанный своей ниткой к погнутой ложке, лежал прямо на бумагах. Вокруг него расплзлось омерзительное пятно, размывая печатные, рукописные и непечатные тексты и картинки. В пепельнице, стоявшей посреди документов, вываливаясь, кишели беломорные окурки. Капитан периодически хватал один из них, прикуривал, делал несколько затяжек, выпуская дым в лицо девушке, и бросал обратно к собратьям разной степени докуренности. Пепел летел в разные стороны, оставляя прожженные дырки на бумаге.

Анна почувствовала тошноту.

Бедную Муху тоже подташнивало и поколачивало, но не от безгливости, а от страха. Разразившаяся буря наводила на нее ужас невыносимый и трепет панический. А как избавиться от навалившейся беды, было совершенно непонятно.

Насекомая летала, жужжала, нападала на капитана, поддерживала Анну, умоляла их успокоиться, помириться, отречься от вражж-жды и подружжж-житься обратно. Но ни Акулов, ни даже Лебедь не обращали на нее никакого внимания, а когда она принялась садиться на них и кусаться, то едва не убили.

Осознав всю тщетность своей борьбы и опасаясь погибнуть, попав под горячую руку, Муха благоразумно эвакуировалась на потолок и наблюдала за событиями оттуда.

– Аккуратнее нужно выбирать поклонников, гражданочка!

– Я его не выбирала, он сам ко мне прицепился. Помогите, умоляю вас, мне очень-очень страшно. Это правда. Он меня убьет! Как вы этого не понимаете?

– Вот когда убьет, тогда и приходите. А сейчас заберите свое заявление. У милиции и без ваших «любит – не любит», «убьет – не убьет», «замуж возьмет», «к сердцу прижмет – к черту пошлет»... Ха-ха-хе! Как там дальше? В общем и короче, у нас дел и так предостаточно. И настолько серьезных и важных, что вам и не представить. А милые бранятся – только тешатся.

– Да какой он мне милый? Я его ненавижу и боюсь до смерти! – возмутилась Анна, но взяла себя в руки. – Вы же читали мое заявление. Там все написано, что он вытворит. Это же на уголовное дело тянет. Это серьезно и важно.

– Ничего я не читал, у меня глаза больные, их беречь на-

добно. Пожалейте мое здоровье. Хе-кхе, кхе-хе, н-да, – то ли прокашлял, то ли рассмеялся Акулов и саркастически вежливо добавил: – Просветите меня, что же он вытворяет?

– Помимо угроз убийства и физической расправы, и изнасилования, и кислотой лицо облить... – привычной скороговоркой начала Анна, но опомнилась и воскликнула: – Разве мало?! Вам мало этого? И не только угрозы! Он подбросил мне в почтовый ящик убитую мышь, одетую в костюм Белого лебедя из «Лебединого озера».

– Ну, почему обязательно он подбросил? Почему сразу он? Причем тут вообще кто-то? А может мышь сама забралась в почтовый ящик, там устроилась поудобнее и издохла? – предположил капитан, изображая мышьиные действия.

– Ага, а перед тем как залезть туда и умереть, оделась в белую балетную пачку! – воскликнула Анна и истерично засмеялась, наблюдая за его кривлянием: – Вы что, идиот?

– Не смейте оскорблять представителя правоохранительных органов, а то я посажу вас на 15 суток!

– Да! Посадите, пожалуйста. Мне у вас спокойней будет, все-таки под охраной, – взмолилась девушка, – ведь это невыносимо! А еще он сжег на моем коврикe афишу, где я в главной партии.

– Может, просто мальчишки так баловались. С чего вы взяли, что у кого-то свет клином на вас сошелся?

– Вот именно! У него на мне свет клином сошелся! Какие мальчишки? О чем вы бредите? Кто, кроме него мог бы до-

думаться взять афишу с моим именем и поджечь ее у моей двери?

– Значит, у вас есть какая-то соперница, которой вы дорогу перешли в вашем кордебалете, – заявил Акулов.

– Во-первых, в балете, а не в кордебалете, а во-вторых, у меня со всей труппой прекрасные отношения, никому я дорогу не переходила. Я уверена на все сто процентов, что это сделал он! Умоляю вас, помогите, – заплакала Анна.

– Ох, да перестаньте вы, наконец, рыдать, гражданка Белолебедева! Что мы, к вам круглосуточную охрану приставим? Ну, заведите себе какого-нибудь ухажера, чтобы ваше тело охранял. Ха-хе-кхе. Телохранителя, так сказать.

– Но у меня никого нет. Мне не до этого. И не хочу. Я полностью занята на репетициях и в спектаклях. Предпочитаю одиночество. А знакомых попросить о помощи я не могу – не хочу чувствовать себя обязанной. И к тому же, как можно подвергать такой опасности? Ведь этот псих убить может! А тем более мужчину, если со мной увидит.

– Слишком вы высокого о себе мнения, дамочка, – возразил капитан. – По-моему, не Андрей Коршунов псих, а вы. У вас мания преследования. Сходите к врачу, пусть вас подлечат, успокоительные выпишут. Нервы у вас не в порядке. Не валите с больной головы на здоровую! Оставьте в покое бедного работягу, Коршунова этого. Да, кстати, он наверняка из-за вас работы-то и лишился.

– Да, не скрою, я счастлива, что он не работает у нас боль-

ше. Но не имею никакого отношения к этому увольнению. Не я его, а он меня преследует. И должен оставить в покое, а вы должны мне помочь!

– Должны – не должны, должен – не должен. Разбирайтесь сами с вашим театром. Совсем заигрались.

– Я не играю, все это правда! Пожалуйста, вы хотя бы поговорите с ним, припугните, – морщась от беломорного дыма, умоляла Анна.

– С какой стати мы будем невинного человека пугать? – прорычал Акулов. – Не о чем нам с ним говорить, так же как и с вами.

– Но он меня убьет! – всхлипнула девушка.

– Прекратите истерики и слезы! – заорал капитан, и шерсть на его загривке встала дыбом. – Вот убьет вас, тогда и рыдайте себе на здоровье! Когда убьет вас, тогда и приходите с заявлением своим! После этого мы дело и откроем.

– Но как вы можете? – схватила за голову Белолебедева.

– Забирайте заявление и покиньте отделение милиции. Перестаньте испытывать мое терпение, – пролаял Акулов. – А то вас под белы ручки отсюда выведут.

– Не заберу! Не уйду! – заявила она.

– Так-так. Дальше что? Мне это уже надоело, пора закругляться, – ухмыляясь, капитан неспешно вышел из-за стола, подбоченился и навис над жертвой.

Анна, помертвев, смотрела на него снизу вверх.

– Какая ты непонятливая. Я русским языком тебя спра-

шиваю, – сурово проговорил Акулов и вдруг прошипел ей в ухо: – Дальше что, спрашиваю тебя я? А ну подай ссюды! Пропуск ссюды давай!

Девушка отшатнулась и трясущейся рукой отдала ему помятую, измоченную слезами бумажку.

– Пшла вон осседова! – приглушенно велел капитан, начертал в пропуске каракулю, ударил его печатью и громким официальным голосом продолжил: – Ну что же, уважаемая Анна Павловна, рад был с вами познакомиться. Раз вы передумали подавать заявление, то не смею вас больше задерживать. Поболтал бы с вами еще, но вынужден откланяться, дела, знаете ли.

Анна смертельно побледнела и с отчаянной силой, словно утопающая, ухватилась за край стола. Ее сжатые кулачки дрожали беспомощными воробышками. Вдруг она расслабила руки, откинула их, как отдают швартовы, и нырнула со стула на пол.

– Ах ты ж господи! Обморок! Черти б тебя драли! – завопил Акулов и с невиданной для него прытью убежал из кабинета. Но скоро вернулся в сопровождении исполинских размеров дамы, облаченной в белый халат.

Дама одной рукой сгребла Белолебедеву с пола, другой сунула ей под нос склянку нашатыря. Бедняжка пришла в себя и попыталась сесть на стул, но врач оттащила ее в угол кабинета.

– Гражданочка, что же вы, такая болезная, по серьезным

учреждениям ходите, людей пугаете? – густым басом вопрошала дама, словно клопа вдавливая ее в стену с облупившейся краской.

– Ах, простите, я не хотела. Со мной раньше никогда такого не случилось. Никак не ожидала, сама в шоке, – слабым голосом проговорила Анна.

– Очухалась? Вот и иди давай. В неврологический диспансер ходи, а не к нам, раз у тебя припадки, – добродушно посоветовала докторша.

– Слышали? Врач плохого не посоветует. Какие еще у вас вопросы и пожелания? – поинтересовался Акулов и, не получив ответа, констатировал: – Тогда вы свободны. Гм... Как муха в полете.

И тут произошло невозможное, перестав быть сама собой, Анна разозлилась. Неузнаваемая, совсем другая, чем та, которая входила в проклятый кабинет, она окинула обидчиков полным ненависти, испепеляющим взглядом и угрюмо направилась к двери.

Некоторые люди полагают, что мухи отвратительны, не догадываясь, что вызывают у тех не меньшую, но заслуженную неприязнь.

Наша Муха видала в жизни всякое, но сейчас, шокированная событиями, словно прилипла к потолку, и крылья не слушались ее. Схватившись лапками за голову, она вращала выпученными глазами и бормотала:

– Мерзззавцы. Ижжъ, изз жж изверги. Жжжалко, Лебе-

дя, жжжуть. Тревожно мне жжжж-за нее, Бежжать. Ненави-
жж-жу. Ух, рожжжи!

Только опомнившись, что Анна уйдет без нее, а ей придется остаться одной в этом адском месте, Муха собрала все силы и кинулась вслед за ней, прожужжав:

– Я тебя не брошу-жу, буду везз-зде сопровождать. Как он сказз-зал? Свободна жж-зжи как муха в полете? Да ззз-здравствует свобода! Вззжжи!

Глава 7. Димка-Дымчатый-Дымок

Анна не помнила, как добралась до дома. Ее сердце, обезумев, судорожно барахталось в заребренной вязи, кидалось на грудины, билось, ранилось: – Серд-д-дце! Серд-д-дце... Серд-дд-дце!! Серд-дд-дце!!!

Опившись корвалолом, она весь оставшийся день, свернувшись калачиком, пролежала в постели, без сна, уставившись в одну точку. О чем она думала – неизвестно.

А Муха, сидя рядом с ней, думала так:

«Все лежжит и лежжит, и дрожит и дрожит. Ззнобит ее. Гложжет. Переживаю я. Посижжу в изззголове. Лапками поглажду. На ушко пожжужу. Ж-ждут ре-бят. Сказка тож-же спать лож-жит-ся. Глаз-зки з-ззак-ры-вай, зза-сыпай. Если зззаснет – не разззбужжу. Подожду. Что жж жже делать?»

Вечером, когда Муха сама впала то ли в забытье, то ли в транс, то ли в спячку, Анна вскочила с постели и бросилась к распахнутому окну.

– Раз-ззобьется... Она жже не можжет летать! Двадцатый жже этажж... вззжжи... Ужас! – обомлела Мушенька.

Но девушка не стала ни прыгать, ни летать, а, как ни в чем не бывало, смотрела на закат, улыбалась и разговаривала сама с собой:

– Тогда тоже было так худо и безнадежно. После деревен-

ской природы казалось, что в Петрозаводске нет ничего живого. Я спала на матрасе, на полу, вещи еще не разобрали. Плакала, глядя на полнолуние за окном, и мечтала вернуться обратно. Так больно и несбыточно мечтать. Запретить себе? Нет, не могу – мне отраднo чувствовать эту боль... Она – все, что у меня осталось от счастья. И с Ним так же. Нет... Сейчас уже прошло. Дом из детства мне нужен, а Он – нет. Ну вот, из-за него я забыла, о чем говорила.

– Вззжжи! Ожжила! – обрадовалась Муха. – Рассказывай дальше про свою жжжи жжизнь.

– Так вот, – мечтательно продолжала Анна, и пальцы ее рисовали по подоконнику волны, – и вдруг по лунной дороге на полу пробежал... Мышонок! Самый настоящий. Это потом они пропали, а тогда еще появлялись. Непойми откуда. Как крохотные сказочные гномики. Такой восторг – мышонок, с чарующей грацией юркого бархатного тельца.

– Вззжжи, – умилилась Муха, – слеж-жу ззз за сюж-жже-том. Как зз значит бежж-жал?

– Да, именно так: «с чарующей грацией юркого бархатного тельца». Я помню те свои слова. Сейчас все так же, мышонка нет, но есть закат, – девушка раскрыла ладони к небу. – Вы посмотрите! Водовороты и гигантские лилии облаков, розово-сизые в бесконечном озере неба. И расплавленное золото. Ах, какой закат! Горит, пылает. И мне надо сжечь. Сжечь Его письма. А! Еще заявление на Коршунова. В огонь, пусть горит дрянная бумага. Это очищение.

– Зачем уничтожить, зачем сжечь ззза-заявление? – опешила Муха.

Но Анна ей не ответила, а стала быстро собираться. Она выдернула какой-то сверток из-под стопки одежды в шкафу и, не глядя, бросила его в сумку, на дне которой лежало оплаканное и проклятое заявление. Подбежала к входной двери, но, засмеявшись и хлопнув себя по лбу, вернулась за спичками.

В это время зазвонил домашний телефон, определитель диктовал неизвестный номер. Девушка смотрела на него как на ядовитую, готовящуюся к прыжку змею.

«Я больше не хочу жить в страхе, отведу. Вдруг это звонит не Коршунов, а Он. Почувствовал, что я собралась сжечь его письма», – решила она и схватилась за трубку как утопающий за соломинку.

В трубке молчал человек. Молчание было громким, значительным.

– Алло... Алло, Дымчатый, это ты? – голос ее задрожал, переходя в шепот, и она взмолилась: – Димка, ответь!

– Так значит, ты не с моим мужем? У тебя другой кто-то? Или ты с обоими? А может ты вообще со всеми? Отвечай, шалава, что у тебя с Олегом Ходченко? – разразилась трубка истеричным женским басом.

– Вы меня с кем-то путаете, – раздосадовано усмехнулась Анна, – я не знаю никаких Ходченко, даже Олегов знакомых нет.

– А кто ты такая? Ты давно в Питере живешь?

– Почему в Питере? Я в Москве живу. Хм. Пять лет.

– Как в Москве? Разве не Питер? Я куда звоню? Зачем я до Москвы дозвонилась?

– Я не знаю. Всего доброго, – ответила Белолебедева, собираясь нажать отбой.

– Эй, девушка, стой! Подожди! – завопила трубка. – Так значит, это московская квартира?

– Да.

– Не может быть, чертовщина какая-то! Вечно с ним все не слава богу. Надо же, ха, Москва! Вы не врете, не шутите?

– Нет.

– Ха-ха-ха! Хо! Здравствуйте, я ваша тетя. С легким паром нового года и судьбы, как там бишь, – оглушительно расхохоталась трубка. – Ну ладно. Я вам верю – у вас голос порядочный.

– Спасибо.

– Вы уж, девушка, меня извините. Я нормальная баба, это все он, кобель!

– Ничего, всякое бывает. Всех благ вам.

– Ага, хме, и вам, хмю, – трубка прощально хрюкнула, и раздались короткие гудки.

Некто Он, он же Дымчатый, он же Димка, снова ушел в далекое прошлое. Такое далекое, что оттуда никто, никогда и никому не смог бы дозвониться.

Анна покинула квартиру, рассеянно думая о женщине,

расследующей похождения своего мужа. Сначала с раздражением, потом с иронией, сменившейся сочувствием, и, наконец, с безразличием.

Она прошла мимо своего оазиса, обогнула стройку и оказалась на заброшенном, но еще не застроенном колхозном поле. Там она забралась в высохшую мелиоративную канаву, развела костерок, уселась на камень и принялась жечь то, что хотела забыть. Страницы чернели и сворачивались лепестками в оранжевом цветке пламени, обращаясь в дым и белый пепел.

– Ужас тут, жжет так, что обжжжешься можно, – возмущалась Муха, не переносившая жар костра. – Пожжрать нужно зза заодно, раз зз уж жж зз-здесь.

Она отлетела в сторонку и, найдя свежие собачьи фекалии, с аппетитом поужинала.

По мере того как костер догорал, окутываясь бело-дымчатыми струйками, Анна становилась все печальнее. А когда он погас, она уже не сдерживала слезы:

– Прощай, мой Димка-Дымчатый-Дымок. Я так любила тебя... О, как я тебя любила! Разве можно так любить человека? За это и наказана. Так любят то, без чего жить не могут. Так любят саму жизнь.

– Не переживай, – утешала Муха, ползая по ее спине, – я тоже жже зз-знаю долю зза замуж-жнюю. Бесстыжжие мужжики!

– Я становлюсь все гаже, все глубже проваливаюсь в ад, лечу в тартарары. Разве может страх стать поводом для ненависти? – спросила девушка у пепла.

– Не гажже, не глубжжже, конечно можжжет, – подтвердила насекомая.

– Итак... Что делать с Коршуновым? Хм... Нужно поверить в то, что мне говорят: «лающая собака не кусается», «люди, которые "много лают", только пугают, а нападать не собираются», – Анна утвердительно кивнула и продолжала: – Так. Дальше. Что делать с Акуловым? С ним ничего не поделаешь. Не идти же обратно – еще хуже выйдет. Но мне не за что его ненавидеть. Я довела его, вынудила злиться. Вела себя как глупейшая истеричка – это отвратительно. Разве что пойти и извиниться. Нет, не могу. И он неправильно поймет. Эх, вот горе-то с этими людьми. Я потеряла ум и память. Зачем забыла, что в каждом существе всегда есть добро: как луна, она всегда яркая и полная, а мы видим то рост, то ущербность, то мрак новолуния.

Муха ничего не поняла в этих рассуждениях. Пытаясь поставить себя на место девушки, она вдруг потеряла дар мушиной речи и подумала на чисто человеческом языке:

«А ведь она, так же как я, мечется, бьется головой о мутные стекла, рвется к свету. А когда оказывается на свободе, то занята мёдом и дерьмом. Ходит вокруг да около, в растерянности мнется на пороге, теряет путь в мечту. Наваждение. Омрачение. Нелепые существа, эти люди, все время

ищут выход, не видя распахнутых перед ними окон и дверей. Заполошные, как и мы. Такие же мухи».

Костер давно догорел, прелая земля под ним поседела, а Муха и Лебедь сидели на дне канавы и молчали. И не было слов, не было мыслей. На смену им пришла глубокая тишина – внутренняя, спокойная, исцеляющая.

Уже совсем стемнело, когда Анна произнесла, подумав вслух:

– Надо будет осенью съездить к какому-нибудь озеру в каком-нибудь лесу. Все успокоится, когда наступит осень. Покой осени.

– Жж-желтые листья, дожжди, иззморось, а зза ней иззморозззь, – испугалась Муха, передернувшись тельцем и обомлев сердцем.

Не удивительно, что для них обеих преждевременно закончилось лето: землю окутала ночь, принесся росу, сырость и холод.

Насекомая залезла греться в сумку и там уснула. А девушка видела то, что происходило шесть осеней назад:

Она вместе с Ним. Они вместе. Идут по берегу лесного озера. Остывающая земля и прелые листья. А воздух такой свежий и насыщенно-пряный, что его хочется пить. Озерная гладь студеная, прозрачная и спокойная, словно зеркало.

Он идет, шурша листьями и подкидывая их ногами, а она, как всегда, тихо.

Низкое, яркое солнце уже не может согреть. Ласкает лу-

чами щеки, но не защищает от леденеющего ветра.

В их идеальной паре все совсем неидеально. Оказывается, он чувствует себя оскорбленным, а она не понимает этого. Она – яркая балерина, а он посредственность. Она возвышенная, а он приземленный. Она ласковая, а он деспот.

Их губы обветрены от поцелуев на холоде. Он обнимает ее, но смотрит вдаль, а она снова любит его лицом – мужественным и одновременно по-детски капризным.

«Тогда я полагала, что мы будем вместе всегда. А с первым снегом ушла от него. И стала ничья. Чужие мужчины смотрят так, словно примеряют меня под свои инстинкты и потребности. Так мерзко! Я не хочу быть ни с кем, даже с Ним. Я хочу быть одна, – думала Анна. – Кончится лето, и наступит шестая осень. К чему считать? Зачем помнить такую плохую сказку, такой циничный роман?»

Летние ночи коротки, наступивший рассвет озарил и освободил все, развеял пепел и печали. Тепло, прибывающее с каждым лучом, сулило радость и негу жаркого дня.

Анна с Мухой отправились домой. Они шли, а земля держала их на своих ладонях. Шаг за шагом, навстречу солнцу, обещающему счастье, по травам, сверкающим росой, сквозь воздух, звенящий от оглушительного многоголосья утренних птичьих гимнов. Вдыхая медовый запах сурепки, под пение невесть откуда взявшегося одинокого соловья, подходили они к городу. А город, вдруг став ласковым и уютным, встретил их запахом свежеиспеченного хлеба.

Не покидай их, призрачное счастье. Не оставляй их, иллюзия добра.

Но жизнь жестока, обманчива и коварна. Вскоре свет померк, вернулась тьма – дверь квартиры была облита кроваво-красной краской. На лестничной площадке лежал кусок изуродованной афиши: оторванная голова Королевы лебедей с выжженными глазницами.

Глава 8. Плотоядные мышцы

Все пространство подлунного мира наэлектризовано волнами раздражения и неприязни. То тут, то там сыплются искры, бьются разряды и грохочут взрывы человеческих отношений.

Цивилизация не может принести блага – для того чтобы быть в ладу с самим собой и со всем миром, нужно слушать песни ветра в кронах деревьев или музыку волн, а не шум машин.

Из века в век люди делятся, объединяются, перемешиваются и топчут землю. А она, не делая никаких различий, превращает в перегной и нечистоты и чистоту.

Мудрецы взывают, учат, указуют, лечат больные головы и поднимают падшие души. Сеются семена разумного, доброго, вечного. Благо пускает ростки, всходит, но не может расцвести в полную силу. Его душат сорняки людских нравов: что грубых, что утонченных – губительных ядом своим. Его топчет общественная мораль – похабная, продажная, извращенная.

Где грань между святостью и ханжеством, гурманством и извращением, практичностью и изменностью? Почему они идут бок о бок? Умнейшие люди ищут ответ, но не могут найти. Кто из мыслящих прав – все правы. Кто из мыслящих не прав – все неправы.

Зачем мы обвиняем во всем несовершенство мира? Он лишь зеркало.

Зачем, смотря на того или другого человека, мы говорим, что он плох? Он лишь малая суть всего человечества.

Все существа достойны счастья и сострадания. Все хорошие. Даже люди.

И, как и все люди, нехорошие люди – очень хорошие, только болеют сильно. Недуги терзают их, обрекая на мучения и страдания. А они, в свою очередь, под влиянием болезни мучают и заставляют страдать окружающих.

Что за хвори изводят нехороших людей? Да самые обыкновенные, встречающиеся и у всех остальных: дурость, жестокость, гнев, ненависть, гордыня, зависть и алчность.

Именно из-за помрачений, а вовсе не потому, что они плохие, и творят «нехорошие люди» зло.

Именно из-за помрачений, а вовсе не потому, что был плохим, капитан Акулов не помог балерине Белолебедевой.

Интеллигентные девушки вызывали у него почесуху нервной системы, а если они в придачу были еще и красивыми, то ранимая капитанская душа покрывалась зудящими язвами неприязни.

Людям свойственно превращать свои недомогания и заблуждения в так называемую жизненную позицию, которую они культивируют, демонстрируют и считают неизменной. Акулов не был исключением.

Но после ухода Анны Белолебедевой его мысли смеша-

лись в какое-то вязко-ватное месиво, а чувства – в тошную бурду.

И так обидно ему было вместо заслуженного триумфа испытывать свербящую тоску и даже вину, что тянуло его выть и лаять.

Акулов походил из угла в угол, допил малек, сгрыз сухарик, покурил, повздыхал, но облегчения не почувствовал.

Тогда он принялся слоняться по отделению, кидаясь на встречный мелкий подчиненный состав, хамя среднему и поворачиваясь спиной к старшему.

– Ты че, ик, Акулыч, ик? – обиженно проикал облаянный им сержант Помятый. – Аль не закусил? А же тебе сегодня нормально отстегнул и еще сверху, как родному, литру беленькой принес.

– Эврика! Голубчик ты мой, а я и забыл, – радостно воскликнул Акулов, пытаясь облобызать сопротивляющегося сержанта. – Сейчас мы все поправим, а то мне чего-то с души тошно. Айда ко мне в кабинет, устроим совещание, и Наливайченко зови, пусть наливает, и Карасева пушай возьмет. Я проставляюсь. Ха-ха-хее! Завтра выходной, посидим как нормальные пацаны. А стажеру Пуделеву дай команду идти за них в дежурку, пусть к службе привыкает. Давай-давай-давай. Чтобы через десять минут все были у меня на совещании.

Повесткой дня спонтанного совещания стал визит гражданки Белолебедевой. Акулов, жестикулируя стопкой и по-

сыпая все вокруг беломорным пеплом, вещал:

– Вот учись, Карасик, ты у нас еще зеленый, как с истеричками разговаривать. И остальные имейте себе в виду. То же мне прима-балерина! Думала, что мы перед ней скакать станем и слезки ей вытирать. Упорхнула, белый лебедь, глаза просохли, огнем загорелись.

– А она красавица, – мечтательно протянул захмелевший вперед всех Наливайченко.

– Я и говорю, что дрянь! – согласился с ним Акулов. – У меня бывшая соседка по коммуналке такая же была, как шас помню. Светуля-красотуля, интеллигентная вся из себя, молоденькая. Краля, ее мать! Я за ней ухаживать пробовал. А она от меня нос воротила, как от отрепья какого. А когда зажал пару раз, так вообще стала шараться, как от выгребной ямы. При соседях нотации читала, всю плешь мне проела: на пол не плюйте, окурки, бутылки пустые, вещи грязные, и чистые тоже, по местам общего пользования не разбрасывайте. Все за собой убирайте. А если пьяного вас стошнило, так тем более убирайте. Представляете? Никакого понимания.

– Садистка, – ужаснулся молодой Карасев, – не дай бог на такой жениться.

– Да, жена должна быть нормальной, понимающей, – подтвердил Помятый и, подумав, проикал: – И, ик, чтобы непременно компанию поддерживала, ик! Но в меру, ик, пила, и хозяйственная чтобы.

– По мне так лучшее хоо-лоос-тым, – протянул Наливай-

ченко и любовно посмотрел на бутылку.

Все с ним согласились, выпили за свободу, и Акулов продолжил:

– Я как сейчас, выпивший был, но трезвый, а ейный уха-жер, интеллигент очкастый, замечание мне сделал. А я ему морду набил. Так она на меня заяву начальству накатила.

Слушатели охнули:

– Вот тварь!

– Как можно так людей подставлять? Скотина!

– Прибить ее, суку, мало!

– Во-во! – Акулов горестно покачал головой и снова закурил. – Меня на ковер таскали и как щенка паршивого за шкуру трепали, носом тыкали, премии лишили. Ее счастье, что она замуж за того очкарика вышла и с нашей коммуналки съехала, а то я бы ей устроил!

– Молодец, Акулыч, настоящий мужик! Ик, ик! – похвалил Помятый, глядя капитанскую спину. – Давайте выпьем за это. Наливайченко, не спи.

Выпили еще. И еще выпили.

– Слышь, ребята, – Акулов почему-то перешел на шепот и, озираясь по сторонам, спросил, – а может, дело все-таки открыть и пощупать его?

– Кого пощупать, Акулыч?

– Да Коршуна же! Кого еще? Не тебя же! – он нервно хихикнул и ткнул Карасева пальцем в бок.

Тот подпрыгнул и неожиданно продекламировал:

– К морю лишь подходит он... Вот и слышит... Будто стон... Видно... На море. Не тихо. Смотрит. Это... Дело. Лихо... Бьется лебедь средь зыбей... Коршун носится над ней. А та бедняжка так и плещет... Воду мутит, крыльями хлещет... Тот... Того... Уж когти распустил и клюв. Кровавый... Как его? Клюнул? Бишь его... А! Навострил!

– Ты бы еще на табуретку залез и оттуда стишок прочитал, придурок. Тоже мне выискался, царевна Лебедь, – пробубнил Акулов и обиделся.

– Ага! А то! Я со школы помню. На Новый год в самодеятельности. Я тогда могучим богатырем был, – расцвел Карасев, – князем Гвидоном.

– Не нервируй человека, царь Султан, – велел ему Наливайченко и, по-хозяйски обхлопав Акуловскую макушку, посоветовал: – да выбрось ты эту балерину из головы. Не про тебя она, не путай оперы.

– Вот еще, сдалась она мне, эта блаженная! Мужики, да вы чо? У меня и в мыслях не было. Она не в моем вкусе. Это же фея неземная, что с ней делать-то? – отпихивая от себя Наливайченко, взвился капитан.

Его ответ чрезвычайно развеселил товарищей:

– Втюрился! Ха-гха-гхоо!

– Фея! Гхо-гха-ха!

– Неземная! Гыыы-гы! Ага, влип по самые бубенцы! Эх, Акулыч!

– «А-ла-ла», «Ха-ха-ха», – смущенно передразнил их

Акулов и, присвистнув «шу-у-у», залихватски плюхнул в себя очередную стопку водки.

– Закусывай, ик, тушенкой. А, ик, не яблоком. Мыж, мыже, ик! Мы же плотоядные... Плотоядные мы же! По сценам не ик... Не прыгаем, в ик... В облаках не ик... Не витаем, – наставительно разикался сержант Помятый.

– Плотоядные мыши? – изумился капитан и посоветовал: – Попей водички.

– От любви своей оглох, как тетерев! Сам идиот и из меня того же! Не мыши, а «мы же»! Стану я воду пить, когда водка есть, – от возмущения сержант перестал икать.

Капитан кинулся было в драку, но споткнулся о воздух и чуть не упал.

Потом бегали и брали еще... Потом рассуждали о чем-то... Потом что-то пели и как-то танцевали... Потом были там... Потом тут... Потом где-то еще...

Проснувшись на следующий день, никто из них не помнил, как добрался до дома.

Акулов очнулся на полу своей комнаты. Он лежал, уткнувшись головой в холодную чугунную батарею. Ногам было тесно, оказалось, что они без ботинок, но зачем-то втиснуты под диван. Руки же его так занемели, что едва не отсохли.

Похмелье начисто стерло из памяти Акулова события ночи, вечер вспоминался туманно, минувший же день, а с ним и красавица балерина, канул в далеком прошлом. В ненуж-

ном и досадном, предболезненном прошлом.

Насущным стало только одно: как прожить день сегодняшней и не умереть. Очень плохо было Ивану Алексеичу. Его тошнило, колотило, а мозг болел, выкручивался, как в центрифуге, и разрывался.

Немного оклемавшись, как и все в подобных ситуациях, Акулов принялся искать доказательства своей чистоты и правильности: «Я хороший, меня напоили, жизнь довела». И обвинил во всем Анну Белолебеву, посчитав, что напился именно из-за нее. А потому проклял ее, предав анафеме и забвению, как ведьму, вызывающую головную боль и тошноту.

Глава 9. Маленький ты мой, бедненький ты мой

Наступила эра лета. Все цвело, процветало и наслаждалось райской жизнью. Только Анна Белолебедева, отравленная ядом страха, не жила, а существовала: грустная, усталая, безразличная ко всему и измученная этим безразличием.

К счастью, алкоголь и ему подобное она органически не переносила. Пробовала успокоительные, но они вызывали ватность ума и тела, отчего на душе становилось еще гаже.

Анне стало часто казаться, что она летит сквозь непроглядный липкий туман и падает в пропасть. Тогда она начинала метаться, скидывая сонную одурь, туман рассеивался, и падение прекращалось. Под ногами возникала твердая поверхность, но это было каменное дно узкого ущелья с отвесными скалами, откуда невозможно выбраться.

Безысходный замкнутый круг: оцепенение – беспокойство – тревога – страх – паника – слезы – оцепенение...

Лебедь мучилась, и Муха не покидала ее, словно верная сиделка рядом с тяжелобольной. Пожалуй, мушиные страдания были тяжелей человеческих, ведь это людям свойственно терзаться, а насекомые предпочитают просто жить, не переживая ни о чем.

Сезон в театре закончился еще в середине мая, офици-

альное открытие было назначено на первое сентября. Важных репетиций не было, и труппа, разреженная отпускниками, расслабленно шевелилась под кондиционерами, сетуя на то, что «в балете приходится работать у станка до седьмого пота».

В тот день Муха, вспомнив о насекомых правах на личную жизнь, решила не сопровождать Анну в театр и скрылась в неизвестном направлении, заявив:

– Ужж зззамужж жжж невтерпежж! Разззмножжжаться!
Жжженихаться!

«Как рано все разошлись», – удивилась Анна, оставшись одна в репетиционном зале и посмотрев на часы. Они дышали секундной стрелкой, вверх-вниз, вверх-вниз, вдох-выдох, вдох-выдох. Дыхание времени, с которым не поспоришь, оставаясь с каждой секундой в настоящем. Один часовой пояс со звездами.

Живое существо – это нечто гораздо большее своего живого организма. Мы не являемся телом, а тело не является нами. Люди кривят душой, называя «я» изображение на фотографии или отражение в зеркале.

Две стены в зале были полностью зеркальными. Спереди на Белолебедеву смотрело отражение балетной примы: с гордой осанкой и взглядом за линию горизонта. А справа украдкой зыркало чуждое существо – ее скрытое, зазеркальное «я», и перекладина хореографического станка словно перерезала его пополам.

Как известно, смотрящий прямо малоинтересен, наше внимание притягивает подглядывающий. И девушка, повинаясь этому неписаному закону, усталилась в свое правое отражение. Впервые за последние дни она смотрела осознанно, видя то, на что смотрит. И, пораженная, отшатнулась – неужели это она? Изможденное, посеревшее существо с углами затравленных глаз. Зверь, готовый броситься то ли в бегство, то ли в смертельную схватку.

«Нет, господи, нет! За что еще и так, разве мало? И все меня такую видели, – обомлела она от стыда и страха. – Но никто ничего не спросил. Я для них чужая и ненужная. Полудохлая. Мотылек, обреченно бьющийся об лампочку».

Она сползла на пол и разрыдалась.

– Эй, Вова-Вова-Вова, Вовка-Вовочка-Вовчок! – раздался смех Юлии Пестриковой, жены Владимира Рыжикова в жизни и королевы-матери в постановке. – Где ты? Все уже без тебя закупили, можешь не прятаться. Выходи, принц-Зигфрид-детка-моя-королевская.

Тут она увидела неловко поднимающуюся с пола заплаканную Анну.

«Как можно превратить себя в такое чучело? Чахоточная тургеневская барышня. Приспичило ей тут... Посреди дороги... Заняться мне больше нечем – тряпки с пола поднимать», – с досадой подумала королева и жалостливо воскликнула:

– Анюсик, золотце, что случилось?

– А чего у вас тут? Ты, Анька, чего реवेशь-то? – с интересом присоединился Рыжиков, явившийся на зов супруги.

– Да я так... Упала, – побелевшими от неловкости губами пролепетала Белолебедева, прижимая ледяные пальцы к пылающим скулам.

Зал заполнялся остальными персонажами «Лебединого озера»: зерна зернами, хлеб хлебом, а до дармовых зрелищ охочи все.

Впорхнул злой волшебник Рыцарь Ротбарт – весельчак Игорь Могильницкий. Пританцевал наставник принца Вольфганг – молоденький Глеб Сыбачин. Примаршировал принцев друг фон Зоммерштерн – начинающий лысеть Вася Васекин, он же Вась-Вась. Вальяжно вошел барон фон Штейн – красавец Иван Мандзюк. А иже с ними, в облаке женского парфюма, всплыли лебедушки всех размеров и мастей.

– Не умеешь ты, Ань, врать, – назидательно протянул наставник Вольфганг-Глеб Сыбачин и объяснил собравшимся: – Одиноко ей, оттого и хандра. А от хандры – дамские истерики. Нужно ближе быть. Понимаете, ближе к народу. Как говорится: «будь проще, и люди к тебе потянутся».

– А я скажу, что Глеб правильно сказал, – согласился фон Вась-Вась, приглаживая свою плешь, – вот скажите, на кой она Андрюху отшила?

– Да еще и в милицию бежать собиралась, чтобы на него заявить, – взвизгнула лебедь №3.

– Неужели? – поразилась лебедь №6.

– Да, мне в кадрах сказали, – подтвердила лебедь №4.

– Ну и дела пошли – он к ней с чувствами в ЗАГС, а она от него с заявлением в милицию, – подняла бровки и покачала головой лебедь №2.

– Черти бы вас всех взяли с слезами, чувствами и заявлениями, – чертыхнулась лебедь №1, постукивая острым ноготком по золотым часикам, – мы едем или как?

– Да не торопись ты, успеем, – одернул ее Вольфганг-Сыбачин и с юношеской горячностью провозгласил: – Белолебедева должна быть как все, иначе превратится в социопатку! Человек обязан принимать нормы человеческого общества. И на чувства отвечать чувствами, а не милицией.

– Чувства чувствам рознь: негоже приме с сантехником, – усмехнулся Рыцарь-Могельницкий, – она «белый лебедь», а он, как говорится, «могуч, вонюч и волосат». Уехал ее неандерталец в свой родной Магаданский край. «Пишите письма», как говорится.

– Магаданский? Что ж, там ему и место, – поморщилась Королева-Пестрикова.

– Я вам не мешаю меня обсуждать? – мягко спросила Анна, изо всех сил сдерживая слезы и злость. – А он действительно уехал?

Все умолкли и изумленно уставились на нее.

Эффект был такой, словно выставочный экспонат заговорил с посетителями. Виданое ли дело? Рафаэлевская дева,

с ликом, взглядом и немой печалью, и вдруг – вопрошает вслух.

– А он действительно уехал? – непривычно настойчиво повторила Белолебедева и, пытаясь унять заболевшее, мечущееся сердце, снова села на пол, но на этот раз по-турецки и с независимо поднятой головой.

– Откуда нам знать? У меня своих дел предостаточно, еще чужих проблем не хватало, – жеманно возмутился фон Штейн-Мандзюк, косясь на нее сверху вниз, – я не желаю мучиться «загрызениями» совести за все человечество. Ты знаешь, что такое «загрызения» совести?

– Это когда угрызения уже загрызли? – предположила Анна.

– Угадала, собака такая, – обворожительно засмеялся фон Штейн, – да, это когда загрызли вусмерть, и теперь уже все равно. Ладно, бывай, Аня. Пошли ребят, пора.

В этот момент в зал вошла Павлова Еленочка Павловна, за глаза прозванная «серым кардиналом». Неизвестно, зачем она была при трупке, какую должность занимала и занимала ли вообще. Будучи в курсе всего и вся, она во все лезла и за все отвечала, а еще имела свойство неожиданно появляться в эпицентре любых событий.

– Добрый вечер, что это у вас тут? – она охватила взглядом собравшихся и остановила его на Белолебедевой.

– Да вот – плачет, – лебедь № 10 повела в сторону Анны сморщенным носиком.

– А вы, стало быть, утешаете? – укорила их Павлова, словно воспитательница подопечных детишек. – И что это у вас в коридоре? Рюкзаки, сумки, шампура. Алкоголизм, ожирение и отмороженные почки.

Даже королевская семья и приближенные к ней выглядели смущенными, а рядовые лебеди и вовсе провалиться были готовы.

Раздался нестройный хор виноватых голосов:

– Мы репетировать едем... На природе...

– Да! Непосредственно у озера...

– Шашлычки слегка... С помидорками и огурками.

– Мы ничего...

– Да мы не...

– Идите уж. Что же я, сама молодой не была? – вдруг по-матерински рассмеялась Еленочка Павловна. – Много не пейте, жирного не ешьте, на земле не сидите.

– А можно? – испуганно пискнул Вольфганг-Глеб.

– Нужно! Потому как делу время, а потехе час. Отдых в нашем деле необходим, но в меру, – напутствовала Еленочка и махнула рукой.

– Мы вас хотели пригласить. Пожалуйста, поедemте с нами, – замироточила Королева-Юлия.

– Нет, у меня дела, – отрезала Павлова, – а вам даю добро. Оправляйтесь, быстро.

– Будет сделано, – козырнул Рыцарь Ротбарт.

И дружный балетный коллектив умчался на шашаш.

Анна была далека от закулисных дел, нисколько ими не интересовалась и ничего в них не смыслила. Это не мешало ей, а скорее, наоборот, помогало.

Еленочка Павловна, появившись в их театре, вызвала страшный переполох. О ней толковали и судачили, называя любовницей кого-то Там, серым кардиналом, стервой, злыдней, мымрой и крысой.

Только Анечка Белолебедева ничего не слышала, не говорила, искренне считая Павлову очаровательной, доброй и заботливой женщиной. За что та назначила ее своим «любимчиком», а коллектив окончательно вышвырнул из своих рядов.

– Аннушка-солнышко, что случилось? – Елена обняла Анну, прижав к теплым подушкам своей груди, гладила ее по голове и причитала: – Маленький ты мой, бедненький ты мой. На кого стала похожа. Исхудала совсем, лица на тебе нет. Смотреть страшно. Ты бы к бабке сходила – не иначе как сглаз. Невезучая ты. Маленький ты мой, бедненький ты мой.

Растущий ком безжалостно распирал горло, под ребрами все рвалось в клочья, и Белолебедева, лишившись последних сил от душевной боли, заплакала, словно погибающий детеныш.

– Ну-ну, поплачь-поплачь, – одобряла Павлова, поглаживая и похлопывая вздрагивающую спину девушки, – исхудала-то, как скелет. Лицо словно череп кожей обтянутый.

– Неужели как череп? – сквозь слезы улыбнулась та, от-

странилась, и, вытянув руку с воображаемым черепом, продекламировала:

– «Бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия. А теперь это само отвращение и тошнотой подступает к горлу».

– Ох, не паясничай, Аня. Йорик, не Йорик, а я хочу тебя отругать. Терпеливость, спокойствие и доброта не так хороши, как кажется. Нужно давать сдачи. Понимаешь? Ты что, обижаться не умеешь? Тебе нравится, когда тебя унижают?

– А с чего мне обижаться? Они действуют по правилам жизни. Ни мое озлобленное «гав», ни мое жалобное «мяу» ничего не изменят. Только больше раззадорят. Лучше промолчать. Молчание громче и доходчивее слов.

– «Мяу», – передразнила Елена, – лучше «мяу», чем ослиное молчание.

– Ничтожный, немой писк, который никто не услышит и не пожелает понять. Прости, Лена. Все эти хитросплетения жизни, я в них ничего не понимаю.

– А пора бы научиться, чай не ребенок пятилетний.

– Ладно, я пойду. Спасибо тебе за все, Леночка. Прости за истерику. Так надоело все. Балет-кордебалет... С чего я взяла, что он для меня главное в жизни? Это идея, внушенная мне матерью. С шести лет я не живу, а танцую. Танцую мимо всего, даже не заметила, как мы переехали, как отец умер и отчим появился, как она в Париж уехала и родню на меня повесила, как наш дом в деревне исчез. Я знаю, что это

было, но чувствами не помню. Город этот... Кордебалет.

– Стоять и слушать, – став доброй барыней, приказала Елена, – эх, ты, котенок-котенок. Блохастый, жалкий и погибающий. Берешь две недели отпуска и отправляешься на дачу моей сестры, в «Белые акации». Там все без изысков и скромненько, но очень мило и душевно. А самое главное – там сейчас никого нет. Мы уезжаем в Крым на десять дней плюс дорога, и ты отдохнешь. А заодно за огородом приглядишь, сестра за него переживает. Успокоишься. Ягодок поклюешь, в гамаке на солнышке понежишься. Без возражений.

– Но...

– Я сказала – «без возражений».

Анна и Еленочка Павловна выходили из театра вместе, тут-то их и встретила Муха, вернувшаяся со свадьбы.

Насекомая принялась кружить над Павловой, пытаясь понять, что та за человек. Но Елена замахнулась на нее и пре-больно полоснула перламутровым ногтем по крылышку.

– Она меня обидела! Ззз-заразза! – возопила Мушенька, утирая слезы одними мохнатыми лапками, а другими указывая на Анну, – вот она, Лебедь, ни одной из нас ззза за всю взж жизнь не обиж-жжала.

– Вот ключи, вот план-схема дачные. Все. Целую, – Елена впечатала в Анину щеку жирный след кровавой помады и влезла в машину.

– Не слушай ее! Верни ключи, – взмолилась насекомая.

Но девушка побрела к метро, задумчиво проводя рукой по волосам, словно отмахиваясь то ли от мухи, то ли от мыслей.

Глава 10. Электричка оставляла позади

Благодаря Елениному положению, уже на следующий день Анна оказалась в отпуске и ехала на электричке до станции под романтичным названием «Платформа 117 км (бетонозавод)».

Сопровождавшая ее Муха в радостном возбуждении летала по вагону: с места на место, с пассажира на пассажира, с собаки на кошку, с рассады на велосипед и обратно.

– Вззи-вззы, вззя-взза, взжи-вжззи, – пела она, аккомпанируя своим кульбитам в воздухе.

А когда утомилась, уселась на стекло и, греясь в солнечных лучах, занялась туалетом. Передними лапками она мыла мордочку и протирала глаза, а задними, изящно потягиваясь, полировала крылышки.

Лебедь достала план-схему дачных угодий, наспех начертанную Еленой, рассмотрела, нахмурилась, отложила ее на сиденье и переключила внимание на пейзаж за окном.

Электричка оставляла позади все былое и суетное. Показываясь, она плыла среди сосновых боров, смешанных лесов, лугов и полей. Борщевик, бравший приступом город, сменился зарослями люпинов и иван-чая. Мелькали озера, реки, городишки, поселки и деревни.

Все, от горизонта до горизонта, заливал солнечный свет. Земля плескалась в нем, травы и цветы ласкали ее плодородную кожу, а бесконечно-синее небо увлекало в объятия, обещающая теплые ливни, фейерверки гроз и диковинные страны белых облаков.

Лето властвовало триумфально – его боготворили, им жили, на него уповали, разомлев от неги и отрекшись от иных времен. Казалось, что всегда будет тепло и светло, а стужа и мрак сгинули безвозвратно.

«Зачем я туда еду? Какая пошлая бессмыслица – огород на бетонозаводе. Господи, как я устала! Я ничего не хочу, мне ничего не нужно», – терзалась Анна в начале пути.

Но летняя природа гнала тяжелые мысли, словно тучи с небосвода, и она рассуждала иначе: «А с другой стороны, мне нужно учиться принимать помощь, не так часто ее предлагают. Но я не хочу быть обязанной. Хотя, хм. Я расплачиваюсь натурой. Что там по списку? Поливка огорода, прополка. Картошку окучить... Интересно, как это делается?»

Муха заскучала и, решив пообщаться с Лебедем, щекотно проползла по ее руке. Та рассеяно улыбнулась, согнала ее и спросила, следя за мушиным полетом:

– Господи, зачем я на это подписалась? Нет худшей беды, чем необдуманное решение. Ну что ты ко мне привязалась, дурашка насекомая?

– Взжжи! Говорила тебе – «не слушай ее». Вззи-вззы. А ты отмахнулась от меня как от назззойливой мухи. Прямо

как сейчас, – насупившись, проворчала Мушенька.

– Странно, рядом со мной всегда мухи. Одна муха. Кружит надо мной, ползает рядом, сидит подле меня, жужжит тихонько и щекочет ласково.

– Вззжи! Кружж-жжу, жжжи-жу, сижж-жжу и ползз-заю.

– Да, муха, ты всегда со мной, как ангел хранитель, – тихо рассмеялась Анна, – я люблю тебя, как лето. Лето – это Вселенная Счастья. А я сошла с ума и очень этому рада.

Но тут она глянула в окно и помрачнела.

Только что они проезжали мимо живых, зеленых деревьев, а теперь оказались на бойне лесопилки. Бесчисленные бревна-трупы были деловито уложены в ряды и друг на друга.

Потом протянулась голая, растерзанная земля, покрытая чудовищными ранами от машинных шин и ковшей экскаваторов. А за ней – просека с тощим, избитым и переломанным березняком, которую сменили лишай пахотных полей.

Глава 11. «Белые акации»

Станция «117 км (бетонозавод)» представляла собой футуристическое сооружение из бетонных плит, скрепленных ржавой арматурой. Она кособоко торчала из пересохшей трясины в обрамлении камышей, ивовых кустов и шатких дощатых тропинок.

Через «доски-палки, рельсы-шпалы, по рытвинам-по кочкам, по оврагам-по ухабам, все прямо-прямо, а потом в яму», – добрались приятельницы до садоводства «Белые акации». Никакими акациями, ни белыми, ни еще какими-либо, там и не пахло. А пахло гарью, выгребными ямами и жареной рыбой.

Муха дышала полной грудью и рвалась вперед, а девушка, морщась и сдерживая дыхание, оторопело оглядывалась по сторонам.

Странное это было место для отдыха. Истрескавшуюся глинистую землю вдоль и поперек пересекали пыльные проселочные дороги с тщедушной, неживой травой по обочинам. Участки между дорогами были заполнены грядками, прокаженной пленкой парников, кольями и ржавыми бочками. Во всем этом копошились белопузые люди.

– Какая тоска! Как можно так изуродовать лето? – чуть не плача, проговорила Анна.

– Почему жжже иззз-зуродовать? Пригожжж-же зз-

здесь, – не согласилась Муха.

Наивная Лебедь до последнего надеялась, что дача Елениной сестры неким волшебным образом окажется «милой и душевной».

План-схема привела их к самому возделанному и обильно засаженному участку. Посреди картофельной ботвы стояли три строения: дом канареечного цвета, васильковый сарай и розовый сортир.

– Роззанчик безз жжж ззадвижжки. Обожаю! Обжжорство! Вззи, вжжи, – воскликнула изголодавшаяся Муха и ракетой влетела в его приоткрытую дверь.

А девушка, ослепленная весельем красок и подступающими слезами, с трудом открыла калитку, на непослушных ногах прошла к дому, исколовшись о заросли малины и крыжовника, в изнеможении села на крыльцо, закрыла глаза и замерла. Она грезила о несбывшемся.

«Мне нужно было поехать на дачу. Только на нормальную. Жить-то я и в сарае согласна, и все равно, какого цвета он будет. Главное – это природа. Заросли травы, цветочки полевые и земляника, кузнечики с бабочками и хвойные иголки под ногами. Ароматы лета. И чтобы непременно роса. Да, капли росы на листьях манжетки.

А еще – залив. Или хотя бы река. Или озеро. Самое лучшее – залив. Качаться на волнах, смотря в бесконечное синее небо. Этим Подмоскowie обделено. Залив был в Питере, но там Он. Я не буду думать о нем, все и так слишком печально.

А была бы я счастлива с ним? Конечно, нет. Он гасил мое счастье...»

– Чой те тута надобно? Иди, дамочка, отседа. Ишь, расслаась. Ничего страховывать не станем и покупать тоже. Скидки и акции нам без надобности, у нас денег ни гроша, – весело пропищал невесть откуда взявшийся мужичонка.

Он с интересом рассматривал Анну, по-песьи просунув голову в калитку.

– Здравствуйте, а вы Ленин сосед? То есть не Ленин, а сестры ее – Алены Павловны.

– Ага, я не Ленин. Хаа-а-ха! Ильич, маковку! Я Аленин, – еще больше развеселился тот, – живу здесь, у нас с Аленой Павловной канава смежная. А вот ты тут кто такая? Кричи громче, я глухой.

– Я Анна Белолебедева. Меня сюда Елена Павловна в гости пригласила, мы с ней коллеги по работе.

– Слышь, ты хоть Анабелла, хоть Лебедева, по мне что коллеги, что калеки, а неча гостям без хозяев на участке делать. Алена с Еленой в Крым до конца месяца съехала, просила за ейной дачей присматривать. Вот я и стараюсь. А огород поливать не стану, пушай хоть трава не растет.

– А может, станете поливать? – у девушки зародилась надежда на побег с 117-го километра.

– А ей предлагал, но Аленка – курва, а Ленка – стерва. Стану я забесплатно корячиться! Я не святой Бурутина, я – человек разумный и уважаемый. Мне плачено только за

присматривать.

– Я вам заплачу, – Анна произнесла роковые слова, которые лишили ее денежной суммы, значительно превышающей стоимость всего Алениного урожая.

Но зато «разумный и уважаемый человек» обязался полностью опекать треклятую дачу Павловых, и Белолебедева со спокойной совестью отправилась обратно на платформу.

Перевешая Муха разомлела и, не в силах летать и жужжать, развалившись, ехала на ее плече.

Глава 12. Поезд – друг мой

Запахи «Белых акаций» остались позади, электричка возвращала приятельниц в город. Муха лениво прогуливалась по стеклу, Анна всматривалась в себя и в пейзаж за окном.

Состав наигрывал мелодии и ритмы, а пассажиры покачивались им в такт. Тела вибрировали, словно в трансе, подчиняясь таинственным и нестройным механическим звукам.

Поезд то утробно ухал, то призывно свистел, набирал темп и вдохновенным оркестром катился по рельсам, заходясь в приветственном вопле при встрече с другими поездами.

Пассажиры, воняя потом и беляшами, болтали без умолку, пытаясь его перебить. Им это удавалось только на станциях, когда состав затихал, словно перелистывая ноты. А женский голос, живший где-то в хребте его кишок, объявлял остановки, как конференсье объявляет номера концерта.

Анна сидела, вытянувшись в струну, нервно прислушивалась к себе и думала, а состав сопровождал ее мыслям:

«Идет дрожь по телу и в груди. И никак не унять. Что-то с сердцем. Нет, просто я сижу в моторном вагоне – специально его выбрала. Меня притянул гул, отпугивающий остальных пассажиров. Я подумала тогда: "Вот и чудно – мне вас не надо. О люди, черти б вас всех взяли". Поезд – друг мой, а люди... Нет, не враги... Люди – они терзают».

– Уф, – устало подтвердил состав и поволок вагоны дальше, задавая зажигательный ритм, – чу-чу-чух, чух-чу-чух, чух-чух-чух!

«Я злая и так омерзительно на душе. Как тогда, когда уезжала от Него. Из Города, где потоки машин месили потоки дождей. О боги! Как можно жить?»

– Уу-уу-ууу, – подвыл поезд.

«В очередной раз спрошу себя: "А была бы я счастлива с ним?", и отвечу: "Конечно, нет". Какое хорошее счастье было на Финском заливе. Бегуны, собачники, собаки. Все говорили мне: "Доброе утро", а собаки целовали, как родную. Такая нереально реальная благодать во всем мире! И я была словно ангел. Но возвращалась к Нему – и спокойное, радостное счастье кончалось. Я больше не хотела возвращаться и ушла. И сейчас я не вернусь в то, что стало адом».

– Ух-ух-ух их! Ух-ух-ух, ух их! Ух их! – пригрозил состав, сотрясая пассажиров, и загрустил, – уууу-ууу-у-ввв-ы, уууу увы, увы.

«Я попытаюсь вернуться в рай – в свою деревню, в неизведанный мир из детства. Дом культуры развален, наверное... А, бог с ним. Пусть исчезнет и бурьяном зарастет. Ведь с него все и началось. Но где я тогда буду работать? Да нигде или где угодно – только не плясать. Попрыгунья стрекоза... Помертвело чисто поле».

– Кк-ккк-к, – прострекотал поезд и размерено добавил: – ггг-гг-гг.

«Помню свое первое впечатление о городе, на беду – сбывшееся: "и люди там, словно городские голуби: больные, грязные, суетливые". Так часто бывает: кажется, что все хорошо, солнышко греет и будущее светлое, но вдруг, на ровном месте – шквал, крушение и беспросветная хмури. Все надежды и чаяния разбиваются вдребезги – не собрать, не склеить».

– О-о-о-о-о-о... О-о-о-о-о-о, – глухо и бесконечно согласился поезд и затянул роковое, неотвратимое и властное, – ээээээээ, э-эээ-э.

«Люди-человеки. Участливые безучастные. Как смешно! Как грустно... Как всегда».

– Кк-к-ш-ща-щча-ууу, – презрительно сплюнул поезд и расчихался, – чух, чши, шчи. Шчи!

«Петербург, при всех его грехах и дождливости, не был виноват в том, что мы разлюбили друг друга. Неповинный город. Без вины виноватый. Да, город был предлогом, официальной версией, обоюдно поддерживаемой».

– Бам-бац, бац-бам, – удивился поезд.

«Я стала тихой и спокойной, а буду еще тише и спокойнее. Наступит умиротворение, покой и ясность. Я научусь видеть и понимать. Перестану бояться и пугать. Поезд движется. Мысли движутся. Как и тогда. Но тогда дрожала я, а не моторный вагон. Ни деньги, ни квартира, ни балет – не важны для счастья. Если умеешь быть счастливым, то найдешь его в каждом моменте настоящего».

– Шч-шч-тшш, тшшч, – успокоил ее состав, а локомотив протянул гулко, но вкрадчиво: – гууу-у, гууу-ууу-гу.

«Они считают, что я не могу быть счастлива. Я не буду никому ничего доказывать – просто стану счастливой. Уже стала. Не для того, чтобы завидовали, просто хочу смотреть и видеть. Обрести ясность. Страна облаков проплывает за окном, они нежатся под солнцем. Я хочу видеть жизнь, так же как вижу их. Я брошу все и уеду».

– Здззи-дззи! Дзи-зди, – вздрогнули засомневавшиеся стекла окна.

– Ух-вы, ух-вы, чух! Ух-вы, чух, – пригрозил им поезд и уверенно пообещал Анне: – вооо-ооо, ого-го, вооо-ооо.

Но девушка больше не слышала его, она перенеслась в прошлое и жила в другом дне. Видя иную, оборвавшуюся игру света и теней. Ощущая выветренные временем запахи, слыша смолкнувшие звуки.

Это воспоминание было ее неизгладимым, неизменным дежавю. И не было надежды забыть его, никакие запреты на возвращение, ограждения и замки не могли удержать Анну от проникновения в него.

Вот она стоит на кухне у окна, завернувшись в махровый халат. Цвет того халата пронзительно голубой, лазоревый. Из-под золотистого бежевого абажура льется уют, а небо давит грязным мокрым войлоком, и кажется, что оно пахнет псиной. Она морщится и тихонько фыркает.

Ее тело разгорячено после страсти, но так быстро остыва-

ет, что пробирает озноб.

Он курит, шумно затягиваясь и выдыхая дым кольцами, они разбухают, змеятся и расползаются пластами. Господи, сколько раз можно просить не курить в квартире.

«После секса можно», «после ужина можно», «после душа можно» – он закуривает все, что делает, вдыхает-выдыхает яд и, растягивая слова, заявляет: «Радуйся, что не закурываю. Талантливые люди часто бывают алкоголиками. Тебе со мной повезло, не придирайся по пустякам».

Пепельница рядом с сахарницей. Омерзительный запах, вызывающий тошноту и головную боль. Бесплезно просить, унижительно требовать и опасно спорить, проще не дышать. Кружится голова, она распахивает окно, на кухню врывается шумный холод улицы.

А два года назад, в первый раз, пахло осенними яблоками, они их ели, смеялись и целовались. Осенние яблоки пахнут земляникой.

– Я так устала. Обессилена. Опустошена.

– Прости, что ударил тебя, но ты так билась. Словно бабочка в стекло – рядом распахнутые двери, а она не видит. Скажи, как можно ее высвободить, не поймав, не повредив пыльцу на крыльях?

– Ты не прав. Должен был быть другой выход.

– Где вход, там и выход. Одна дорога и туда и обратно. Пропасть в прбпасть. Хм... Не напасть – вызволишься. Пойми, мою девочку необходимо возвращать в настоящее, иначе

ее феи умыкнут.

Человек, проходивший под окном, поднял голову и заворуженно уставился на нее, но опомнившись, поспешил дальше.

«Он не на меня смотрел, а на мой голубой халат – июльское пятно на хмуром небе, – поняла Анна и, улыбнувшись, решила: – Все будет хорошо. Когда я забеременею, он бросит курить ради ребенка. Наступят другие времена – нежные, надежные, радостные. Непременно. Тогда все станет очень хорошо».

– Да, наше золотое правило, формула счастья: «нужно чаще бывать в настоящем, отпуская прошлое и не гадая о будущем. Только полностью ощущая настоящее, человек может быть счастлив», – прилежно повторила она, вновь уверовав в чудо.

– Аня, забудь все, что я говорил. Это было всего лишь наживкой для тебя, моя любимая золотая рыбка. Я заманил тебя в аквариум. Не думай о настоящем. Порой оно такое, что в нем не то что быть счастливым, но и просто находиться нет никакой возможности. Хочется либо скрыться в прошлом, либо умчаться в будущее.

– Так омерзительно чувствовать себя жертвенным ягненком, нет – овцой. Заложницей мясника. Что ты со мной сделал? Что я с собой сделала? Что мы с нами сделали?

– Да-да, все так. Молодец, девочка, тебе нужно выговориться.

– То есть я действительно «овца»?

– Аня, не цепляйся к словам. Это про всех нас. В той или иной степени все мы – жертвенные ягнята, бараны и овцы. Заложники мясников: людей, обстоятельств, времени, самой жизни. Пасемся в загоне с колючей проволокой, за бетонной стеной. Щиплем истоптанную колючую траву, с изрезанными языками, разбитыми лбами, по колено в собственном навозе.

– Ну да, а раньше мы видели миражи вольных лугов с изумрудной травой и прекрасными цветами. Там люди – братья и сестры, увлекательный мир без границ, все друг другу рады, проблемы только сплачивают, а ссоры пресекаются. Такой мир ты мне обещал.

– Любимая, но ведь не привиделось же это нам, в самом деле! То был не мираж! Это сейчас наши глаза застил адский дым. Полуослепшие души уповают на свет.

– Это твой дым, я всего лишь прошу тебя не курить в квартире. Ты даже этого сделать не можешь. Наша жизнь превратилась в тараканьи бега по лабиринту. Прыжки из загона в загон.

– Анна, слушай! Вся жизнь – это неизведанные катакомбы с новыми препятствиями и ходами. Что за поворотом? Где выход? Куда ни глянь – везде нужда, всего не хватает: денег, времени, понимания, мудрости. Благополучия не бывает.

Она смотрела на его длинные пальцы с трогательно идеальными ногтями. У всех мужчин такие сильные руки. Му-

жественные руки, страшные, безжалостные. Руки, которые могут схватить и ударить. Руки прирожденных убийц.

Его завораживающий голос. Этот голос был лучшим на земле, а стал глупым и презрительным. Как больно бьют слова! Как уверенно и громко наносят они удары.

– Я вижу выход: нам нужно расстаться. Прости, любимый.

– Ступай в постель, дурочка. Не корми меня проблемами.

Я хочу кушать тебя.

– Вз-зьззи-ззьззь-вз-зьззи! Дьзи! Вз-зьззи, – разбился купол, удерживающий вакуум вокруг Анны, и она очнулась.

В вагоне был переполох, пассажиры зажимали уши, вскакивали с мест, пихали свои лица в окна.

– Вз-зьззи-ззьззь-вз-зьззи, – поезд надрывно, оглушительно визжал. Этот звук рвал барабанные перепонки, высверливал мозг. Раздирал душу.

Что случилось? Оказалось, что ничего. Состав, как ни в чем не бывало, двинулся дальше. Разочарованные пассажиры недобрым словом помянули Каренину и, заскучав, успокоились.

На следующей станции Анна вышла, Муха вылетела с ней, а поезд прощально взвыл и почухал дальше.

Глава 13. Остальное неважно

«Я идиотка. Кончились, видите ли, душевные силы, позволяющие переносить человеческое общество. Господи, какая я идиотка, – устало проклинала себя Анна, уже полтора часа ковыляя в сторону своего микрорайона, – на кой черт мне понадобилось выскочить из электрички на три остановки раньше? От вокзала доехала бы на маршрутке прямо до дома. Эх, сейчас бы нырнуть в прохладный душ! А вместо этого гуляю по промзоне».

Ее, истерзанную и раздавленную морально, под тяжестью пережитой поездки, рюкзака и жары, покидали последние физические силы.

Мухе было по-матерински жалко девушку, ведь она привязалась к ней гораздо больше, чем к родному опарышу.

– Выражжжаю сопережжживание и поддержку, ззз-забочусь, кружж-жу над подруж-жкой, – приговаривала Мушенька, обмахивая лицо своего Лебеда крылышками, поглаживая ее лапками по голове и похлопывая по плечу.

– Я буду все тише и тише, медленнее и медленнее, как эти мои шаги. Зачем обманывать судьбу, когда можно просто отказаться от нее? Я исчезну. Изменяюсь и стану другим человеком, – словно в бреду шептала девушка.

Плавающий от солнца асфальт покачивался, по груди стекали капельки пота, а по лицу слезы. Ей хотелось опро-

кинуть весь мир, скинуть с себя его жар и тяжесть, устроить переворот, восстать против всего и вся.

«К чертям свинячьим весь балет с его диетическими обедами!» – в знак протеста Белолебедева зашла в кондитерскую и накупила безбожно калорийных пирожных.

Войдя в квартиру, она швырнула рюкзак на пол в прихожей, сползла по стенке и, сидя рядом с ним, открыла замасленный картон.

– Пирожж-жные! С роз-зам на зз-зеленом луж-жке! Держжи в зз-зубах! Все в аж-журе! – восхитилась Муха и жадно впилась в бледно-розовый с зеленью крем. Но вскоре отпрянула и полетела к графину с водой. – Жж-жется как заж-жигалка, изз-жжого зз-замучает. Жажж-жда.

Анна, не обращая внимания на странное поведение насекомого, проглотила месиво из маргарина, сахара и повидла и моментально отравилась. Мучаясь тошнотой, она залпом выпила полбутылки боржоми, желудок успокоился, но началась мигрень.

Девушка, приняв анальгетик, со стоном залезла в ванну. И там, стоя на четвереньках, подставляла под струи холодной воды пульсирующие адской болью виски и веки.

Внезапные спазмы скрутили все ее нутро. Такие сильные, что внутренности выворачивались наружу, разрывая горло и обжигая рот желудочной кислотой. А дальше провал...

Она очнулась голой, скорчившейся на дне ванны. Вода неслась студеной горной рекой, омывая ее тело и взбивая

рвотные массы в прибрежную пену.

Муха, обезумев от тревоги, кружила вокруг нее и оглушительно вопила. Только увидев, что Лебедю стало лучше, она отлетела, прилепилась к потолку, и там, баюкая вывихнутую заднюю лапку, скулила:

– Заж-живет нож-жженька, растяжж-жение. Я жже, думала, в ухо ей зз-залеззу, раззбужж-жу. Кто жжж же зз-знал, что она себе по уху вреж-жжет, чуть меня не разззз-здавила. Не соображжжала. Ух ты, ужжж как она дрожжжит.

Анна, трясясь от холода и содрогаясь от омерзения, включила горячую воду и так долго стояла под душем, что вылезла, словно свежесваренный рак, красная и окутанная паром.

Закутавшись в махровое полотенце и оставляя на полу отпечатки мокрых ступней, она добралась до кровати, нырнула под одеяло и мгновенно уснула.

На рассвете Белолебедева проснулась в ином мире. Ничего не изменилось вокруг, она не умерла, но необратимо переменилась сама. Так слепой обретает зрение, глухой – слух, а немой – дар речи.

Сколько раз, тоскуя о быстроте, легкости и уверенности, обретаемых на сцене, она сомневалась, металась и спотыкалась в жизни. Но теперь перестала зависеть от своего таланта, отпустила его, и он перестал быть проклятием.

«Ты будешь танцевать по приказу!» – эти слова матери, с детства преследовавшие ее, исчезли в омуте прошлого, не оставив ни обиды, ни вины.

К вечеру Анна бросила работу, выставила на продажу квартиру, забронировала номер в престижном доме отдыха и упаковала все свои пожитки. Неизведанное ранее чувство свободы, невесомости и блаженства овладело ею, будто она отбывала пожизненное заключение, но была оправдана и выпущена на свободу.

Лебедь сидела на балконе, слушала жужжание своей Му-хи, жмурилась на заходящее солнце, раскаленным золотым апельсином скатывающееся к горизонту, и растворялась в тихом безусловном счастье. Неопределенность положения ничуть не тревожила ее.

Да, будут проблемы, неприятности, тяготы, но какое это имеет значение? Она отпустила все.

Денег не было, нет и не будет. Сумма от продажи квартиры погасит кредит. На счетах после переводов родственникам остались гроши. Большой кусок от наличных отвалился на треклятом 117 километре. Но какое это имеет значение?

Обычный номер в выбранном ею доме отдыха по цене смахивает на президентский люкс. Но какое это имеет значение?

Ей придется начинать жизнь с нуля. Но какое это имеет значение?

Сейчас ей нужно дождаться хоть каких-то денег от продажи квартиры, она отдаст ее первому попавшемуся покупателю, не торгуясь. Этих денег хватит на билет до Карелии, а остальное неважно.

Сейчас она будет отдыхать и набираться сил перед окончательным рывком в новую жизнь, а остальное неважно.

Дом отдыха, исходя из названия, лучшее место для того, чтобы отдохнуть, а остальное неважно.

С последним утверждением Муха была не согласна. Не хотелось ей жить в конструкции, стилизованной под огромную яхту, водруженную посреди песчаного берега извилисто-ивовой реки в окружении соснового бора. Не по нраву ей был этот дом отдыха – белый, словно хлорка, сияющий стерильными стеклами.

Насекомая, передергиваясь лапками, категорично заявила:

– Ужжж как чисто – жу-жу-жуть. Там ж-же сплошная дезз-з-инфекция. И помоек не увижу-жу-жу. Ужж-жина не до-жж-ждусь. Не з-заведение, а зза-западня.

Тем не менее, преодолевая свое врожденное отвращение к дезинфекции, Муха прибыла вместе с Анной на тот самый сосновый берег и стояла на ее плече напротив той самой «яхты».

– Замечательно, даже лучше, чем я думала, – улыбалась девушка.

– Не скаж-жи. Возз-зражж-жаю. Ты заблужж-ждаешься. Все еще хуж-же, – не согласилась насекомая.

Глава 14. Заласканные околдованные

Наскоро заселившись, Анна выпорхнула из номера. Конечно же, в сопровождении верной Мухи. Слетев по лестнице, они помчались к реке. Избегая ухоженных дорожек, плутая по лабиринтам тропинок и корней, подружки танцевали по лесу и ромашково-васильковым лужайкам. Потом добрались до воды и, смеясь, распластались на песке.

Как неожиданно с ними случилось счастье! И в жизни вдруг всего стало вдоволь и все было прекрасно. Они купались и резвились, плескались и валялись, загорали и дышали.

Дышали и надышаться не могли – вдыхая непривычный воздух свободы. Время перестало существовать, обратившись в бесконечное тепло и радостный покой.

Для Мухи все обернулось немислимо лучшим образом: Анна решила возвращаться в номер только чтобы помыться и переночевать.

– Неожиданный сюрприз-ззз! Вот это жж-жизнь! Без зз-забот, – восторженно жужжала насекомая, – ззз-загляденье, наслажж-жденье!

Они просыпались раньше птиц и выходили в росу и туманы, а возвращались под звездами, не пропуская ни одного

рассвета и заката.

В деревне они покупали самую простую, а потому самую вкусную еду: горячий хлеб, парное молоко, овощи, зелень и ягоды, только что собранные с грядок. Все это складывали в плетеную корзинку и укрывали белым полотенчиком.

Проходили мимо дворов с деревянными постройками, цветниками и колодцами. Все встречные, и люди, и собаки, и коты, и курицы с петухами, вежливо приветствовали их, а из-за занавесок, таких же белых, как полотенце в корзинке, то и дело выглядывали любопытные лица.

Оставляя деревню позади, они направлялись в самые лучшие миры. Во вселенные с земляничными полянами, черничниками, мхами, хвойными коврами, высокой травой и муравкой. Анна шла, проводя ладонями по стволам деревьев, а те ласкали ее ветвями. Кончиками пальцев, словно к изысканным драгоценностям, прикасалась она к полевым цветам, но не рвала их.

Когда наступал палящий зной, они отправлялись в свой укромный уголок. Там, на тенистом берегу неглубокой заводди, укрытой прядями склоненных ив, стоял трон. Настоящий лесной трон, сама природа свила его из выступающих корней деревьев и выстлала мягкой травой. Анна усаживалась в него и взмахами ног поднимала завесы фонтанов и переливающихся радужными гранями брызг, летящих до самого неба, становясь мокрой и шальной как русалка – без стыда и без греха. Потом кидалась в воду и, испугавшись до изнемо-

жения, загорала на горячем песке другого, овражистого бережка.

Мушенька летала неподалеку, поджужживая толстым шмелям в полосатых шубах, подпевая цикадам и танцуя с легкомысленными бабочками.

– Какое счастье! – то и дело повторяла Лебедь.

– Восторжж-женно поддержж-живаю. Блаж-жженство! – вторила ей Муха.

В тот день подруги гуляли по лесу и заблудились, пытаясь обойти непроходимые заросли дикого шиповника. Его цветы и аромат компенсировали все доставленные неудобства, но в итоге они вышли на несколько километров выше по течению, оказавшись на незнакомом лугу.

Уставшая Лебедь улеглась на земле и, подперев подборок кулачками, всматривалась в травяные джунгли, представляя себя их жителем. Она пробиралась между стволов зелени и цветов: вот выюнок, вот колокольчики, а за ними ромашки, и вдруг целая роща полевой гвоздики. Одна гвоздичка выделялась среди своих ярких с пурпуром сестер такой чистой-шей розовой нежностью, что у девушки защемило сердце.

– Знаешь, – зачарованно прошептала ей Анна, – на тебя похож один дом.

Как давно она не вспоминала об этом, но разве можно забыть.

Там... Тогда... Посреди бесконечного шумного городского проспекта с циничными серыми высотками – крохотная

улочка с разноцветными трех- и четырехэтажными старинными домиками. Она с Ним жили в розовом. Словно мечта. Между желтым и кремово-бежевым. В комнатке коммунального муравейника, крохотной, вечно сырой и темной, с круглым окошком под потолком.

– Твоя мать хуже мачехи, как можно было заселить сюда дочь? Это же бывший сортир, – возмущался Он.

– Нет, скорее кладовка, – смеялась она, – мне здесь очень нравится, живем тихонько и уютно в своей норке, как мышки.

Потом был щенок, подобранный ею в подворотне, и Его аллергия. Через неделю песик был отдан в добрые руки, а капля теплой воды, упавшей на запястье из потекшего крана, довела ее до истерики, ведь она коснулась кожи, словно щенячий язык. Она согласилась отказаться от мечты о собаке – ради него.

А вскоре ради него согласилась отказаться и от комнаты в доме, розовом, как мечта.

Мышиная кладовка была продана, его родители добавили денег, и старинная улочка канула в прошлое – свершился переезд в унылый панельный двор рабочего пригорода. Он так гордился новой квартирой – отдельной, своей собственной, что ей и в голову не приходило претендовать на ее часть.

Вещи упаковали и перевезли, и ничего из вещей не было потеряно, поломано или разбито, даже странно. Но они лишились самого ценного из того, что было в оставленном жи-

лице – не пожелавшей переселиться и ушедшей из их отношений нежности. Нежности чистейшей и розовой, как покинутый дом, как эта полевая гвоздичка.

– Нежность... – вздохнула Анна, вынырнула из омута памяти и перевернулась на спину, – а облака нежатся под солнцем. Можно грустить о былом, хм... серым осенним днем. Но не сейчас, не в неге летнего зноя, не среди ароматов разнотравья.

Тоска исчезла и более не возвращалась. Девушка и насекомая прекрасно проводили время, не досаждая друг другу. Порой Муха улетала далеко и даже несколько раз вышла замуж, но всегда возвращалась. Не к корзинке с едой, а к своему Лебедю.

Лес так щедро потчевал их своими лучшими яствами, что деревенская пища перестала казаться изыском. Как ей было сравниться с земляникой, черникой и лесной малиной? И дикой вишней, усыпанной еще незрелыми, но красными и сочными крупными бусинами.

Лето заласкало, околдовало подруг, и они уверовали в счастье, позабыв обо всех проблемах, бедах и неприятностях.

Иногда они проводили под звездами всю ночь, прислушиваясь к звукам и шорохам невидимых существ, гуляя вдоль реки и плавая по лунной дорожке. Большая Медведица неспешно проходила над ними и скрывалась в лесу, они шли за ней и догоняли, а потом наступал рассвет.

Странной выдалась ночь, ставшая последней. Сокрушительный, раскаленный ветер ворвался в закат, он мчался с юга и обещал грозу, но не принес даже зарницы. В великой спешке двигались могучие тучи, выбрасывая вперед дозорные клочья. Казалось, что звезды мечутся по небу – от одного облачного просвета к другому. Луна была убывающей, но такой ослепительно яркой, что свет вокруг нее стирал пар от дыхания тьмы, подобно ладони, протирающей запотевшее стекло.

В нескольких метрах от них одна молодая береза вскрикнула, переломилась пополам и упала замертво, погубив под собой куст шиповника. Другие деревья стонали от боли, в страхе тряслись и сгибались, умоляя о пощаде. Одни сосны держались прямо, скрипя, но отказываясь сдаваться.

На рассвете ветер неожиданно прекратился, исчез в одно мгновение, словно его выключили.

Ветви и стебли склонились на юг, указывая путь ночного душегубца, высланный вырванными веточками, листьями, семенами и лепестками. Анна, став траурной, долго ходила по лесу, но оказалось, что погибли только те молодая березка с шиповником, другие деревья и кусты были живы и здоровы, только истрепаны. Насекомые и птицы с опаской вылезали из своих укрытий, подавая несмелые голоса.

Муха наконец-то вылетела из Аниного рюкзака, в котором пряталась, на последние четыре с половиной часа (показавшиеся ей сутками) от страха впад в некое странное состоя-

ние: то ли транса, то ли глубокого сна. И после половину дня она дремала, греясь на Анне, крепко спящей на песке.

Исчезло прошлое, не было будущего, существовало только безмолвное настоящее. Девушка и насекомое растворились во внутреннем покое, не слыша ничего, даже баюкающую музыку реки и летнего зноя.

Глава 15. Зарезали

Внезапно ясная и легкая, свободная пустота исчезла, и Анна с досадой очнулась. Невыносимо душно оказалось ей в тяжелом, непослушном, неуклюжем теле, и думать ни о чем не хотелось. Но мысли суетились, кишели и плавались в голове, горячей и гулкой, словно чугунный котел. После купания стало легче, но ненадолго. Слабость навалилась неподъемной плитой, а сердце то трепетало, словно пламя свечи на ветру, то принималось клокотать ведьмовским котлом.

– Духота, – девушка в раздражении встала с песка, рассеянно и недовольно всматриваясь в марево синего неба.

– Жжж-жарко, – согласилась Муха и предложила, – пожалуй, нуж-жно морожж-женое пож-жевать.

Но Анна отмахнулась от нее и, решив, что причина недомогания – отсутствие нормального человеческого отдыха на кровати, отправилась в номер.

Путь к яхте дома-отдыха пролегал через большой холм, поросший травами и цветами, с редкими деревцами берез, лип и диких яблонь.

На вершине холма, словно памятный обелиск, росла раскидистая елка, от нее на четыре стороны тянулись выложенные бетонными плитами дорожки. Анна очень любила ходить по ним: любуясь разнотравьем, но, не топча и не тревожа его. Вот выюнок с нежнейшими бело-розовыми цветами и

сердцевидными листьями, вот хвощ и все былинки-паутинки, мягкая травка и клевер, а вот сиреневые колокольчики и солнечные ромашки.

В тот треклятый день подружки еще у реки слышали тревожный и болезненный электрический звук. Он вибрировал в воздухе, взвизгивал и скрежетал, терзал, высверливал нервы. Подойдя ближе, они почувствовали тяжелый, едкий запах бензина, такой неуместный среди ароматов лета.

А по зеленому, с памятной елью, холму двигались убийцы. Беспощадные, вооруженные газонокосилками. Палачи в клеенчатых фартуках, покрытых ошметками растерзанной плоти и внутренностей изничтоженных трав и насекомых. Зеленая кровь стекала по черной клеенке.

Кузнечики, пытаясь спастись, в ужасе скакали по бетонным плитам. По тем самым плитам, где девушка раньше ходила, радуясь, что никому не вредит.

– Словно не вьюнок и кузнечиков зарезали, а меня! – беззвучно кричала онемевшая от горя Анна, судорожно прижимая ладони к губам и силясь убежать на непослушных ногах.

– Брось газз-зонокосилку! Не трожь жжж! Мерзз-завцы! – жужжала Муха.

Но косари, вдохновенно увлеченные своими злодеяниями, не обращали на них никакого внимания.

Как страшна человеческая жестокость! Не столько силой своей, сколь бессмысленностью и безумием.

Так исчез призрачный рай на берегу реки. «Я уеду туда,

где мое счастье никто и ничто не испортит. Пора!» – твердила Анна, спешно покидая проклятый отныне дом отдыха.

И снова электричка, и снова пейзажи за окном, и мысли...

«Вот так. Соловьиные трели сменились пением цикад. Страна облаков проплывает за окном. Совсем скоро туча скворцов с оглушительным звоном закружит в небе, облепит тополя, провода и антенны города и улетит туда, где станет лучше, чем здесь. Я улечу раньше – уеду туда, где всегда было лучше, чем везде», – грезила Анна.

А Муха почему-то думала про тревожные, холодные как могила, укрытия и про зиму, с ее мертвыми белыми мухами, которых она никогда не видела, но слышала про них невыносимо страшные рассказы.

Глава 16. Убийство

«Только бы поскорее ее продать! Я не вынесу жизни в ней. Продать и сразу уехать», – думала Анна, возвращаясь в квартиру, в которой столько страдала.

Она шла под исполинскими многоэтажками, ощущая себя микробом на скелете города. Так тошно это было после недавней жизни у реки. Ноги не несли ее в постылое жилище, переставшее быть «домом» и никогда не бывшее «очагом».

Притихшая Муха ехала на рюкзаке за спиной девушки, покачиваясь, словно всадник в седле.

Оранжевые фонари рассматривали их и успокаивали мягким светом.

«Ей богу, на улице уютнее, чем в этой треклятой квартире. Заночевать, что ли, на скамейке, ночь теплая. Даже крошечная тьма наполнена светом – это и есть сознание. Жалко, что в городе не видно звезд, – усмехнулась Анна и перевела взгляд на часики, – часы дышат секундной стрелкой, вверх-вниз, вверх-вниз, вдох-выдох, вдох-выдох. Дыхание времени, с которым не поспоришь, оставаясь с каждой секундой в настоящем. Один часовой пояс со звездами».

Она рассматривала циферблат, словно искала в нем решение своих проблем, поглаживая пальчиками холодную гладь стекла. И вдруг обрадовано проговорила:

– Да, все верно! Спасибо! Я сниму деньги с кредитки: в деревне в ходу только наличные. А долг погашу после продажи. Долг – это глупости. Какое он имеет значение? Главное уехать, а остальное неважно.

И, воодушевившись, Анна уверенно двинулась дальше.

– Важж-жно, неваж-жно. Продаж-жжа, не продажж-жа, – передразнила ее уставшая Муха и добавила: – Ложж-житься ужжже нуж-жно. Зз-завтра разз-зберемся.

Лифт вытряхнул их в катакомбы семнадцатого этажа. Справа, в самом конце этажного тоннеля, горел гнилостный, мутный, желто-зеленый свет. А слева, где находилась Анна квартира, было совсем темно. Девушка чертыхнулась и неуверенно направилась туда, подсвечивая путь мобильником.

Один шаг... Шорох... Второй шаг... Движение воздуха, теплое, словно чье-то дыхание... Третий шаг... Дрожь по всему телу и лед в сердце...

А на четвертом шагу маньяк Андрей Коршунов, жестокий и неотвратимый, как сама судьба, напал на балерину Анну Белолебедеву. Длинным острым ножом пригвоздил он Лебедея к деревянной двери. Так энтомолог булавкой пронзает бабочку, пришпиливая бедняжку к картонке.

Для садиста жертва – это его вожаделенная собственность, ценный трофей, добыча, любимая вещь. Злодей изнывает от жажды, для него чужие надежды, чаяния и жизнь – живительная вода, а мучимый им – манящий колодец.

Чудовищна бездна предсмертных мук, пульсирует потоками невыносимых страданий. Плоть гибнет, а душа корчится от боли.

Девушка, обезумев, все глубже погружалась в то, что называют адом. Ей бы перестать чувствовать, впасть в забытье. Но она обоняла чужое дыхание с тошно-сладким запахом порченого мяса. Чужие пальцы потным, липким наждаком сдирали кожу с ее шеи. По горлу струилась расплавленная медь, обжигала язык, пенилась и капала с губ.

Угасающим зрением всматривалась Анна в чужие зрачки – огромные и немислимо черные, ядовитыми тварями пучащиеся в красных белках, между щетиной ресниц и пористыми, в испарине, веками.

И тут причудилось Анне немислимое. Что когда-то, неведомо давно, она сама так же убивала. И были крики ужаса, невыносимые, не из этого мира. Оглушительно звучащая боль. Перед тем как все стихло, девушка с изумлением осознала, что это ее собственный голос, переставший быть человеческим.

Коршун продолжал наносить удар за ударом, но Лебедю больше не было больно. Она умерла и стала равнодушна к своему телу, и тело истекало кровью без всяких сожалений.

– Брось ножжж! Не трожжж! – Муха защищала Анну, отчаянно кидаясь на лицо убийцы, и звала на помощь людей, шевелящихся за соседскими дверями, – поможжж-жите! О божже, да поможьте жже! Гражжждане, как можжжно? Вы

жжж-же нелюди, зз-звери! Что жжже вы?! Где ж-жже вы?!

Преступник отмахивался от нее, давя, выламывая крылья и лапы, но отважная насекомая, несмотря на чудовищные раны, снова и снова бросалась, вцеплялась и кусалась.

Коршунов вскрикнул от боли, когда она в очередной раз вгрызлась ему в глаз, изловчился и, не переставая кромсать Лебеда, прихлопнул Муху.

Вызванная соседями милиция увидела печальнейшую картину. Труп девушки, словно лилия, раскинулся на поверхности кровавого пруда. А на растерзанной груди несчастной, слева, там, где сердце – лежал трупик раздавленной мухи.

Глава 17. Нелюди – жестоки, а люди?

Много шума наделала эта история. В газетах писали, в телевизионных сводках показывали, люди судачили, округляя глаза от страха и интереса, а общественность грозно осуждала.

Но все врал!

Владимир Рыжиков в миру, он же принц Зигфрид в «Лебедином озере», некогда солировавший с Анной и почему-то решивший оплакивать ее, ничего не смыслил в случившемся, но накропал глупейший очерк, заканчивающийся так:

«... Она была убита! Погасла восходящая звезда русского балета, погибла от рук известного маньяка Коршунова. На его счету оказалось девять убийств в Магаданском крае, а москвичка Анна Белолебедева стала десятой жертвой.

Жизнь блистательной молодой красавицы, талантливейшей личности, замечательного и добрейшего человека, оборвалась навеки, а ее убийца отделался пожизненным заключением.

Один из спектаклей с участием всеми любимой Анны Павловны снят с репертуара нашего театра в знак памяти и скорби.

Я лично знаю все подробности происшедшей трагедии,

ведь я был близким другом погибшей. Пишу об этом, а сам плачу.

Преступник напал на Анечку в парадной, когда та возвращалась домой поздним вечером после триумфальной репетиции.

Она так не любила доставлять никому хлопот, что не позволяла себя провозжать. Невмешательство и предубеждения помешали нам предотвратить беду. Честно скажу – лучше бы меня зарезали.

Коришунов орудовал изготовленным на заказ ножом, очень длинным и острым. В оружейной мастерской он честно признался, что пойдет на охоту, за трофеем, но никто не понял чудовищного смысла его слов.

И вот этим самым проклятым ножом он как бабочку пригвоздил Анюту к двери и насмерть задушил. Двадцать четыре последующих удара, нанесенных другим, кухонным ножом, стали посмертными. Он продолжал кромсать уже мертвое тело.

Можно ли было спасти Анну? Уверен, что да. Ведь соседи все слышали, но не спешили на помощь. От леденящих душу криков в их супружеских постелях распался инь и ян. Собаки дрожали и жалобно скулили, а когда наступила гробовая тишина – хором взвыли. Вот как было дело!

Эти бессердечные, но любопытные граждане прислушивались через закрытые двери. Они слышали все: и приказы о взаимной любви, и проклятья, и призывы о помощи, и кри-

ки боли. Да, они вызвали милицию, но, судя по времени, патрульная машина ехала в Москву с самых дальних окраин области, и не факт, что Московской.

Нашлись трое самых смелых мужчин-соседей. Впоследствии их сочли безалаберными, не заботящимися о своих семьях глупцами – они не послушались уговоров заботливых и мудрых жен.

Эти трое приоткрыли свои двери, предварительно нацепив на них цепочки. Они сделали это одновременно, увидели друг друга, и получилось так, что отступить им стало некуда, дабы не потерять мужское достоинство. Вооружившись ножами, они нанесли убийце несколько резаных ран спины и рук. Но окончательно обезвредить его удалось только с помощью чугунной сковороды. Как это обычно водится, маньяк остался жив и здоров.

Но красавица-балерина, наша несравненная Анна Белолебедева, уже была мертва. Мало того, что мертва, так и еще и крайне безответственна. «Почему безответственна?» – удивитесь вы нелепости моих слов. Поясняю.

В ходе расследования уголовного дела оказалось, что за полтора месяца до гибели она обращалась в милицию с жалобами на угрозы и домогательства Коришунова. Но некто капитан Акулов И.А. отказался принимать ее заявление, объяснив это отсутствием состава преступления и правонарушения.

Более того, его коллеги признались, что слышали, как он

похвалялся тем, будто велел Анне прекратить истерики и «когда убьют вас, тогда и приходите, после этого мы дело и откроем».

Вот ведь как все обернулось. Ее убили, а она не встала и не отправилась подавать заявление в милицию, не выполнила предписание «когда убьют, тогда и приходите». Нет, вместо этого она, забыв о всякой гражданской ответственности, спокойно валялась мертвой на лестничной площадке.

В итоге дело завели на самого капитана Акулова по статье «преступная халатность и неисполнение должностных обязанностей». Но он, не дождавшись суда, скоропостижно скончался. Как показало вскрытие, от цирроза печени, вызванного алкогольной интоксикацией.

Не жестокая судьба сгубила нашу Анечку, не люди, а жестокие нелюди – маньяк и алкоголик, презревшие ценность человеческой жизни. Так погиб «прекрасный порхающий цветок», как называли ее критики.

Вечная память Белолебедевой Анне Павловне».

Что же, с Рыжиковым не поспоришь, нелюди – жестоки. А люди?

Глава 18. Много лет спустя

– Дар божий! Вот как это называют! – горячилась Акулина, с силой сжимая ручки инвалидного кресла. – Я объясняю ей элемент, а она меня не слушает. Это сверхъестественное что-то!

– Что же тут сверхъестественного? Обычная детская дерзость. Прошу тебя, не нервничай. – Леда оторвалась от мольберта и заботливо поправила плед, сползший с обездвиженных ног сестры.

– Иди к черту, – отмахнулась та, – не притворяйся, что, бросив балет, ты перестала его понимать. Как ты могла променять свой талантище на карельские пейзажи? Эта девочка танцует, как ты когда-то. Бесподобна! Она не слушается моих советов, представляешь? Они ей ни к чему! Берет и молча делает все еще лучше, чем я ожидала.

– Да, она гибкая и быстрая. Очень пластична. Но свое нравна. И ты, балуя и захваливая ее, только усугубляешь это, – Леда раздраженно поджала губы, недовольная напоминанием о своем балетном прошлом.

– Ледка, ты лучше сына своего воспитывай, а то уголовник растет.

– Это точно. Он меня в гроб вгонит своими выходками. Ты прости нас за Андрейку, – она потупилась, подбирая слова, но вдруг заявила: – Линка, я мать, и ты должна меня по-

нять. Он такой нежный, радостный. И должен ощущать надежность. Что все непременно будет хорошо. Не стану я его наказывать, не хочу пугать. Что он знает о смерти? Ребенок не виноват в том, что он ребенок.

– Есть поговорка: «Собак заводят те, кто предпочитает, чтобы их любили. Кошек те, кто сам стремится любить. Хомячки же нужны для того, чтобы показать детям смерть». Но Андрейка – не хомяк! Слов нет, – Акулина скорбно покачала головой, – это же немыслимая жестокость!

– Лина, ну что ты несешь! К чему так драматизировать?

– Ну-ну. «А царица над ребенком, как орлица над орленком».

– Эй, Вова-Вова-Вова, Вовка-Вовочка-Вовчок! – раздался смех входящей на террасу Юлии Пестриковой, жены Владимира Рыжикова в жизни и бывшей королевы-матери в «Лебедином озере». – Где ты? Нельзя так долго купаться, можешь простудиться. Вылезай, принц-Зигфрид-детка-моя-королевская.

И тут она привычно стихла, взглянув на свою младшую дочь, беспомощно откинувшуюся в инвалидном кресле.

«Как судьба могла превратить ее в калеку? Господи, разве можно было так с ней? С драгоценной моей девочкой. С самой красивой, здоровой, энергичной. Все твердили: "Какая экспрессия!", сцены лучших театров были у ее ног. Которые теперь парализованы. За что такого светлого, безгрешного человека? И Леда, упрямица, художница от слова "худо", ба-

лет бросила. А ведь в юности талантливее Лины была», – с горечью подумала Юлия и счастливо воскликнула:

– Ваш отец рехнулся, вода ледяная, а его не вытащить!

– Мам, ты папу нашего не трожь, – начала младшая Акулина.

– Он закаляется, – подхватила старшая Леда.

– Он морж! – воскликнула Акулина и, хохоча, объявила: – Складно получилось! Стихи!

– А чего у вас тут? Вы над чем, девочки, смеетесь? – поинтересовался Рыжиков, наконец, явившийся на зов супруги, хохлясь в махровом халате.

– Не успели Андрейку похоронить, а у них уже веселье! Что вы за люди? – возмутилась впорхнувшая на террасу Иришка Мухина.

Она была любимой ученицей и протееже Акулины, регулярно гостила на даче Рыжиковых-Пестриковых и считала себя полноправным членом их семьи.

– Муха, перестань сокрушаться. Он теперь на радуге, в тараканьем раю, на облачке. Там светло, тепло, очень хорошо и радостно, – заученно пробубнил Станислав, следовавший за ней виноватым, несчастным хвостом.

– Стася, это ты его убил! Мало того, что в кипятке сварил, так еще и раздавил. Тебя за это в тюрьму посадить надо!

– Все совсем не так было, ты же сама знаешь! Мух, а Мух, прости меня-я-я-аааа, аааа-аа-аа, – Стас разрыдался.

– Ирина, прекрати немедленно! – вскинулась Акулина и

строгим, официальным голосом заявила: – Я, как полноправная владелица таракана Андрейки, объявляю поминки по нему законченными.

– А ты не плачь, будь женщиной, – Леда посадила сына себе на колени и вытирала платком его зареванную мордашку.

– Я кружку случайно из рук выронил, потому что обжегся! А наступил, потому что больно было, я испугался и не видел! – в бесчисленный раз оправдывался мальчишка. – Неужели ты думаешь, что я такое специально мог! Меня аж тошнит, как вспомню.

– Ладно, верю, что действительно не смог бы. Робкий, как птичка-трясогузка. А вообще, ты хороший, Стася-рева, – смилостивилась Муха.

– Не называй меня так! Стася – это по девчачьи, как Настя.

– Ребята, от вас столько шума! Идите-ка отсюда, погуляйте-поиграйте, – выпроводила их королева-Юлия.

– Через час на ужин позовем, накроем в гостиной, – напутствовал принц-Владимир, – и хватит про этого таракана, как вспомню его, так вздрогну. Акулина сама виновата. Нечего было выпускать его, он же коршуном всем под ноги кидался.

Стас полулежал на крыльце. На мальчишке властно распластался холеный пушистый кот с мужественной, интеллектуальной и одновременно по-детски капризной мордой. Дымчато-серого цвета, с трогательно идеальными, белыми

носочками на лапках и острейшими когтями. Этот кот умел завораживающе мурчать самым лучшим голосом на свете, и фыркать – глупо и презрительно.

– Зачем тетя Лина таракана человеческим именем назвала? Вот мы, например, кота за цвет назвали Дымчатым, а не Димкой каким-нибудь.

– Но это же был не простой таракан, а мадагаскарский, – объяснила Муха, она была очень умной и рассудительной девочкой. – Да-а, дела-а. Жалко его, хоть плачь. При таких обстоятельствах всегда полагается плакать. Вот, например, когда у нас в интернате собаку Павлова забрали, мы с девочками целый день проплакали.

– Расскажи про нее еще раз, пожалуйста, – Стас обожал рассказы про интернат, они казались ему захватывающими и романтическими, как приключения Тома Сойера.

– Собаку Павлова на самом деле Леночкой звали, но это дурацкое имя. Ее так нянечка тетечка Марусечка назвала. Псина хитрая была, таких «серыми кардиналами» называют.

– Почему?

– Понимаешь, неизвестно зачем она вообще у нас взялась и откуда. Но знаешь, такая была – в курсе всего и вся, во все лезла и на всех тьякала. А еще имела свойство неожиданно появляться в эпицентре любых событий. Такие вот у нее были рефлексы, за них и прозвали собакой Павлова, – объяснила Муха.

– Ух ты! – восхитился Стас и попросил: – А расскажи еще,

как тебя из интерната забрали.

– Интернат у нас был балетный, не детдом какой-нибудь. Все девчонки в нем были талантливые. А я одна из лучших...

– Ты, Муха, самая лучшая!

– Да, так и есть, соглашусь с тобой без ложной скромности. Так вот. Акулина Владимировна пришла такая, она тогда еще ходила, и говорит: «Она не своенравная, а свободная. Крылатая девочка, не прыгает, а летает. Восхитительно! Дивный талант! Необычайно гибка, быстра и пластична!» А я ей: «Мечтаю, чтобы вы меня учили. Хочу специально для вас танцевать». А она так расчувствовалась, что заплакала, и я тоже. Стоим, плачем, смеемся и обнимаемся.

– Класс!

– А то! Супер! И Лина меня скоро удочерит.

– Да, класс!

– А то! Супер!

– Ты будешь моей двоюродной сестренкой. Моя мама очень этому рада и я тоже. Класс!

– А то! Супер! Мне твоя мама тоже нравится, жалко, что она балет бросила.

– Она не балерина, она – художница. Приедешь к нам в Карелию?

– А то!

– Класс!

– Супер!

Вечером все собрались на террасе и любовались закатом.

На водовороты и гигантские лилии облаков, розово-сизые в бесконечном озере неба, с расплавленным золотом.

И все ощущали, что счастливы здесь и сейчас.

– Ах, какой был закат! Горит, пылает. Леда, почему ты не рисуешь его? Что за странная прихоть, рисовать летом осень? Немедленно сотвори шедевр в мою честь. Летний шедевр, под значение моего имени, Юлия, – «июльская».

– Мама, я нарисую закат потом, и картина будет называться «Очищение». Сейчас из моей памяти растут «Осенние травы и чайная роза в снегу». Лина, что ты видишь на полотне, что чувствуешь?

– Я вижу, что природа готовится ко сну. Деревья сбросили одежды и, обнаженные, засыпают. Травы возвращаются в землю, а редкие цветы испуганно дрожат на ветру. Низкое небо войлочным одеялом легло на землю и подоткнуло края за горизонт.

– Да, Акулина Владимировна, все так и есть. А потом будет снег. Снег с нежной негой землю укутывающий, – мечтательно сказала Муха, нежно обнимая Леду и пытливо всматриваясь в ее творение.

А Леда, отложив в сторону палитру с кистью, прижимала девочку к себе и гладила ее чернявую пушистую голову.